
СОНА СКОФИЛД
Семь лет за тебя мне дали, генерал

Сона Скофилд

Семь лет за тебя мне дали, генерал

«Автор»
2026

Скофилд С.

Семь лет за тебя мне дали, генерал / С. Скофилд — «Автор», 2026

— Мирена, она восемь лет провела в плену. Неужели ты не можешь уступить? В день нашей четвертой годовщины свадьбы вернулась первая жена моего мужа-дракона. Та, которую все считали погибшей.Я сама приготовила ей комнату. А потом из нашей спальни начали выносить мои вещи.Муж отдал ей наши покои, отменил нашу поездку и предложил мне пожить отдельно.— Я люблю тебя, Мирена. Просто ей сейчас тяжелее.Я не собиралась воевать с женщиной, пережившей плен. Я лишь хотела, чтобы муж перестал решать за меня.Он не услышал. И я подала на развод.В пограничном городе меня ждали тесная комнатка, новая работа и Тарен Кард — суровый дракон-командир. Тот самый, что привез первую жену моего мужа домой.Когда-то он тоже советовал мне потерпеть. Теперь смотрел так, что я забывала, как дышать.А бывший муж вдруг решил меня вернуть.Только впервые за много лет я больше не хотела возвращаться.

© Скофилд С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Билет в один конец 5
Глава 2. Человек, которого я разорила 27
Глава 3. Мама по расписанию 57
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Сона Скофилд
Семь лет за тебя мне дали, генерал

Глава 1. Билет в один конец

— Баженова, проверьте, все ли ваше.

Женщина за столом подвинула ко мне прозрачный пакет.

Я посмотрела на содержимое. Старый телефон с треснувшим стеклом, серебряное кольцо, часы с коричневым ремешком, связка ключей и паспорт, который за семь лет успел стать почти бесполезным. Ключи были от квартиры, где теперь жили чужие люди. Телефон давно не включался. Кольцо я помнила до последней царапины.

Его подарил Виктор на десятую годовщину свадьбы.

Обручальное осталось у меня. Я сняла его через два года после приговора, когда получила уведомление о разводе. Тогда еще думала, что буду носить на цепочке. Не смогла.

— Все мое, — ответила я.

— Распишитесь.

Я расписалась.

За семь лет я оставила столько подписей, что могла бы заполнить ими целую тетрадь. Под заявлениями, объяснениями, просьбами, жалобами. Одну до сих пор помнила особенно хорошо — ту, после которой меня осудили.

Сотрудница выдала документы об освобождении, объяснила, что мне необходимо сделать после прибытия по месту жительства, и наконец сказала:

— Можете идти.

Я взяла пакет и серую спортивную сумку с заедающей молнией. В нее поместились все мои вещи: несколько смен белья, документы, фотографии, блокнот, две книги. На дне лежала маленькая вязаная игрушка — заяц с кривым ухом.

Я связала его для Даши, когда дочке исполнилось шесть. Потом ей исполнилось семь, восемь... Каждый год собиралась передать новый подарок, но в какой-то момент перестала. Мне возвращали посылки, письма оставались без ответа, а на звонки не отвечали. Я слишком хорошо помнила, как дочь радовалась моим подаркам раньше, и боялась представить, куда их теперь складывали. Зайца я оставила себе.

На улице оказалось неожиданно тепло.

За забором зеленели деревья, у дороги стояла скамейка, возле которой кто-то выбросил пластиковый стаканчик. По асфальту цепочкой ползли муравьи.

Я остановилась. К освобождению готовилась давно: считала месяцы, недели, потом перестала, чтобы не сходить с ума от ожидания. В то, что этот день настал, поверить могла. Только мне было сорок пять, я стояла за воротами колонии и понятия не имела, куда теперь идти.

Перед воротами стояло несколько автомобилей. У одного из них курил высокий мужчина в темном пиджаке. Когда я приблизилась, он бросил сигарету в урну и посмотрел на меня.

— Нина Сергеевна?

Я остановилась.

— Да.

— Добрый день. Меня прислал Виктор Павлович.

Я не сразу ответила.

Мужчина выглядел лет на сорок. Аккуратная стрижка, чистые ботинки, дорогие часы, в руках ключи от черного автомобиля. За годы брака с Виктором я насмотрелась на таких людей:

водителей, помощников, сотрудников, которым поручали передать документы, отвезти вещи, встретить гостей. Они всегда говорили одинаково вежливо.

— Виктор Павлович знает, что я сегодня освобождаюсь? — спросила я.

Мужчина слегка удивился.

— Разумеется.

— Интересно.

Я обошла его.

— Нина Сергеевна, подождите. Мне поручено вас встретить.

— Вы встретили.

— Я должен передать вам кое-что.

Он открыл заднюю дверь машины и достал плотный светлый конверт. Я остановилась. На конверте было написано мое имя незнакомым ровным почерком — явно не Виктора.

— Здесь деньги, — пояснил водитель. — И билет.

— Куда?

— До Ярославля. На сегодня. Вечерний поезд.

Я посмотрела на него.

— А почему в Ярославль?

Мужчина отвел глаза к автомобилю.

— Там подготовлена квартира. На первое время. Виктор Павлович все организовал.

Мне вдруг захотелось рассмеяться.

Семь лет я представляла этот день. Не каждый вечер, конечно. Иногда от усталости хотелось просто уснуть, не разговаривать, ни о чем не думать. Но в самые тяжелые минуты я представляла, как выйду за ворота.

В первых фантазиях меня встречал Виктор, потом Кирилл. Позже я надеялась хотя бы увидеть Дашу. В последние годы мечтала, чтобы никто не мешал мне добраться до детей. И вот рядом стоял чужой мужчина и предлагал квартиру в другом городе.

— Вы знаете, кто я? — спросила я.

— Нина Сергеевна...

— Нет, я серьезно. Вы хоть знаете, откуда меня забрали?

— Мне известны общие обстоятельства.

— Какие именно?

Он замялся.

— Я не уполномочен это обсуждать.

— Понятно.

Я протянула руку.

— Давайте конверт.

Он заметно расслабился. Я открыла конверт: десять пятитысячных купюр, билет на поезд и лист с адресом квартиры. Ключей не было — видимо, их собирались вручить после моего прибытия.

Пятьдесят тысяч рублей за семь лет. Я пересчитала купюры еще раз, хотя ошибиться было трудно.

Когда я сидела, Виктор иногда перечислял деньги на лицевой счет. Потом переводы прекратились. Через некоторое время я узнала, что он женился.

Теперь он снова решил дать мне денег.

— Вы можете отвезти меня в Нижний Новгород? — спросила я.

Водитель нахмурился.

— Виктор Павлович просил...

— Я понимаю, что он просил. А вы можете?

— Технически да. Но мне поручено доставить вас на вокзал.

— Тогда не надо.

Я забрала деньги, а билет с адресом вернула ему.

— Передайте Виктору Павловичу, что квартиру он может оставить себе.

— Вы уверены? Там все оплачено.

— Тем более жалко пропадать.

Водитель стоял с протянутой рукой, словно не знал, куда деть билет.

— А деньги? — наконец спросил он.

— Деньги я возьму.

— Хорошо.

— Пусть считает, что вернул небольшую часть того, что должен.

Мужчина ничего не ответил.

Я закрыла сумку и направилась к остановке, которую заметила еще из ворот.

— Нина Сергеевна!

Обернулась.

— Он просил передать, чтобы вы пока не приезжали к детям.

Я почувствовала, как натянулось что-то под ребрами.

— Это тоже часть поручения?

— Он считает, что детям необходимо время.

— Семь лет недостаточно?

Водитель промолчал.

— Как вас зовут? — спросила я.

— Сергей.

— Сергей, вы женаты?

— Да.

— Дети есть?

— Сын. Четыре года.

Я кивнула.

— Представьте, что вам запретили его видеть. Не на неделю. На семь лет. А потом сообщили, что надо еще немного подождать.

Он посмотрел на меня уже иначе.

— Я понимаю.

— Нет. Но очень надеюсь, что никогда не поймете.

Я пошла дальше. На остановке сидела пожилая женщина в цветастой куртке. Рядом стояла хозяйственная сумка, из которой торчали зеленые перья лука. Женщина подвинулась, освобождая мне место.

— Автобус недавно ушел, — сообщила она. — Следующий минут через двадцать.

— Спасибо.

— В город?

— Да.

— А то здесь других почти и нет.

Я села.

Женщина некоторое время молчала, потом спросила:

— Домой едете?

Я посмотрела на дорогу.

— Пока не знаю.

Она приняла ответ без удивления.

— Бывает.

И больше ни о чем не спрашивала. После всего, что пришлось выслушать у ворот, это было добротой.

***

Автобус оказался переполненным.

Я устроилась у окна, прижав сумку коленями. Напротив сидела девушка с большим бумажным стаканом кофе и смотрела что-то в телефоне. Рядом мужчина в рабочей куртке разговаривал по громкой связи.

Никто не обращал на меня внимания.

Я боялась, что люди будут смотреть, сразу поймут, откуда я приехала. Что на мне останется какая-то невидимая отметка.

Но девушка попросила подвинуть сумку. Мужчина в куртке наступил мне на ботинок и извинился. Кондуктор дважды уточнила, до какой остановки мне нужен билет.

Для них я была обычной пассажиркой.

За окном мелькали заправки, магазины, строительные площадки, новые жилые комплексы. Семь лет назад на одном из перекрестков стоял небольшой рынок. Теперь там возвышался торговый центр.

Я смотрела на город и пыталась понять, сколько всего изменилось.

В сорок пять лет можно закончить университет, открыть дело, родить ребенка, потерять мужа, встретить другого человека. Можно выучить язык, переехать, развестись и выйти замуж.

А я семь лет ждала, когда мне разрешат выйти за ворота.

Я достала из кармана бумажку с номером Оксаны. Помнила его наизусть, но перед освобождением все равно записала: вдруг от волнения забуду какую-нибудь цифру. Последний раз мы разговаривали три дня назад.

— Я тебя встречу, — сказала тогда Оксана.

— Не надо. У тебя работа.

— У меня своя работа. Захочу — закрою мастерскую.

— Оксан, я доеду.

— Нин, хватит мне объяснять, как удобнее. Ты приезжай.

Она была единственным человеком из прежней жизни, который продолжал разговаривать со мной так, словно между нами ничего не изменилось.

Разумеется, изменилось все.

Я помнила Оксану стройной женщиной с короткой рыжей стрижкой. На последних фотографиях ее волосы уже доставали до плеч, а у глаз появились заметные морщинки. Она присылала фотографии редко, зато подробно рассказывала о заказчиках, своей мастерской, соседях и бесконечных проблемах с оборудованием.

Однажды почти целый разговор посвятила принтеру, который печатал вместо черного зеленым.

Я тогда смеялась до слез. Потом, уже после отбоя, вспомнила ее рассказ и снова расхохоталась. В нашей комнате все спали, соседка прошипела, чтобы я прекратила, но остановиться не получалось.

Оксана была для меня голосом обычной жизни.

Я вышла из автобуса недалеко от ее мастерской. Улица была знакомой: дома те же, деревья стали выше, а вместо маленького продуктового магазина открылась кофейня. Мастерская находилась на первом этаже кирпичного здания; над входом висела синяя вывеска:

«Печать. Копии. Фото. Переплет».

Я толкнула дверь. Внутри пахло бумагой, свежей краской и кофе. Молодой парень в наушниках поднял голову из-за стойки.

— Здравствуйте. Вам что-то распечатать?

— Мне Оксану Демину.

— Она сейчас...

— Нина?

Голос раздался из соседнего помещения.

Оксана появилась в дверях с пачкой листов в руках.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга, потом она уронила бумаги на стол.

— Господи, Нинка.

Она подошла быстро, почти бегом, и обняла меня. Я обняла ее в ответ. От Оксаны пахло кремом для рук и духами, которые она любила еще в институте. Кажется, с запахом апельсина.

— Ну ты чего, — пробормотала она мне в плечо. — Ну все. Приехала. Все хорошо.

Я открыла рот, чтобы ответить, но не смогла.

Оксана отступила на шаг, оглядела меня и тут же нахмурилась.

— Одна? Я же говорила, заберу.

— Справилась.

— Вижу. А чего такая бледная?

— Семь лет без отпуска.

Она фыркнула.

— Юмор на месте. Уже неплохо.

Потом повернулась к парню.

— Максим, я сегодня больше не работаю. Закрывай вечером сам. Деньги в сейф, ключи сдашь охране.

— Хорошо, Оксана Игоревна.

— А если этот с баннерами опять явится, скажи, что мы не можем сделать ему герб размером с крышу за двести рублей.

— Я ему уже говорил.

— Значит, повторишь.

Она подхватила мою сумку.

— Идем.

— Оксан, я сама понесу.

— Нина, если ты сейчас начнешь спорить из-за сумки, я тебя ею ударю.

— Ладно.

— Вот и умница.

На улице она открыла небольшую белую машину. На заднем сиденье лежали коробки с бумагой и детский самокат.

— Чей самокат? — спросила я.

— Соседкиного мальчишки. Две недели собираюсь вернуть. Садись, только коробку подвинь.

Я устроилась на переднем сиденье. Оксана посмотрела на меня и спросила:

— Ела сегодня?

— Завтракала.

— Что?

— Кашу.

— Тогда не ела.

Она завела машину.

— Поедем ко мне. Там душ, нормальная еда и кровать. Потом будем решать, как жить дальше.

— Мне нужно узнать, где дети.

Оксана не сразу ответила.

Машина выехала со двора.

— Знаю.

— Ты говорила, что нашла адрес.

— Нашла.

— Они там живут?

— Да.

— Все вместе?

— Нина...

— Ответь, пожалуйста.

Оксана остановилась перед пешеходным переходом.

— Виктор, Елена, Даша. Кирилл иногда приезжает. Сам живет в квартире, которую оплачивает отец.

Я отвернулась к окну. На переходе женщина вела за руку девочку лет пяти. Та тащила огромного плюшевого медведя, который волочился по асфальту. Даша когда-то ходила так же, только с зайцем.

— Она зовет Елену мамой? — спросила я.

Оксана крепче сжала руль.

— Нин, я не знаю.

Она солгала. Мы дружили почти тридцать лет, и я слишком хорошо знала, как она врет.

— Ты видела Дашу?

— Один раз. Издалека.

— И?

— Она выросла. Волосы длинные, темные. Очень на тебя похожа.

Я погладила пальцем край сумки.

— А Кирилл?

— С ним я разговаривала зимой.

Я повернулась к ней.

— Ты мне не говорила.

— Потому что разговор был паршивый.

— Расскажи.

Оксана выдохнула.

— Я встретила его возле торгового центра. Сама подошла. Сказала, что ты скоро освобождаешься и хочешь с ним увидеться.

— Что он ответил?

— Сначала спросил, зачем я вообще вмешиваюсь.

Я молчала.

— Потом сказал, что у тебя есть его номер и ты можешь звонить.

— Он не берет трубку.

— Я знаю.

— Ты сказала ему?

— Конечно.

— И?

Оксана посмотрела на дорогу.

— Сказал, значит, пока не готов разговаривать.

Я кивнула.

Кириллу было двадцать два. В последний раз я видела его лично в пятнадцать: высокий худой подросток с прыщом возле носа, который он пытался выдавить перед свиданием. Тогда еще могла обнять его, поправить воротник куртки, спросить, сделал ли домашнее задание. Теперь он был взрослым мужчиной и не хотел со мной разговаривать.

— Я все равно поеду, — сказала я.

— Сегодня?

— Сегодня.

— Нин, может, сначала...

— Сначала что? Отдохнуть? Поспать? Еще раз собраться с мыслями?

Оксана промолчала.

— Я семь лет собиралась с мыслями.

— Я понимаю.

— Извини.

— За что?

— Срываюсь.

— Имеешь право. Только не за рулем у меня срывайся, я и так нервная.

Я слабо улыбнулась. Оксана включила радио, заиграла песня, которой я не знала.

***

Квартира Оксаны была на четвертом этаже обычной девятиэтажки.

Я помнила ее прежнюю квартиру, где мы проводили вечера еще до моего замужества. Там был старый диван, холодильник с магнитами и кухня, на которой едва помещались два человека.

Здесь было просторнее. Оксана сняла обувь, прошла в комнату и открыла окно.

— Жить будешь здесь. Комната отдельная, дверь закрывается. В ванной чистые полотенца. На полке шампунь, кремы, всякая ерунда. Не знаю, чем ты пользуешься, выбирай сама.

Я осмотрелась. Новое покрывало на кровати, кресло возле окна, небольшая лампа на столе. В шкафу были свободные полки.

— Ты все подготовила, — сказала я.

— А ты думала, я тебя на кухню поселить собиралась?

— Не надо было столько всего покупать.

— Нина, не начинай.

Она открыла шкаф.

— Вот здесь повесишь одежду. И не вздумай складывать ее в сумку каждый вечер.

Я замерла, и Оксана посмотрела на меня.

— Что?

— Ничего.

— Я что-то не то сказала?

— Нет. Все правильно.

Она помедлила, потом мягко коснулась моего плеча.

— Здесь никто не будет проверять твои вещи.

Я опустила глаза.

В колонии сумка была моим личным пространством. В нее можно было сложить то немногое, что принадлежало тебе, и приходилось помнить, где что лежит. Сейчас передо мной стоял пустой шкаф, а я почему-то не знала, что с ним делать.

— Пойду в душ, — сказала я.

— Иди. А я пока приготовлю.

В ванной я долго разбиралась с краном. Вода сначала была слишком горячей, потом холодной. Я несколько раз крутила ручку, пока не добилась нужной температуры.

Потом я стояла под душем, опустив голову. Никто не торопил, не стучал в дверь, не говорил, сколько осталось времени.

Я вымыла волосы дважды. Потом еще раз, потому что понравился запах шампуня. Вытерлась большим мягким полотенцем и надела оставленный Оксаной темно-синий халат с поясом. Посмотрела в зеркало.

Женщина напротив выглядела старше сорока пяти.

Волосы до плеч, отросшие корни, несколько седых прядей у виска. Карие глаза, глубокие складки возле рта. Скулы стали резче, чем прежде.

Я потрогала лицо. Узнавала себя прекрасно, но за семь лет привыкла к маленьким зеркалам, плохому свету и вечной спешке. Теперь могла стоять сколько угодно.

Лет десять назад я собиралась подстричься, даже записалась в салон. Виктор сказал, что мне не идут короткие волосы, попросил оставить длину, и я согласилась. Мелочь, но таких в нашем браке было много: какие блюда готовить, куда ехать в отпуск, с кем встречаться вечером, на какую должность соглашаться, как одеться на торжество. Я всегда считала, что мы договариваемся. Теперь не была в этом уверена.

Когда я вышла, на кухне пахло жареной картошкой. Оксана поставила передо мной тарелку с картофелем, грибами и кусочками курицы, положила рядом помидоры и свежий хлеб. Я села.

— Ты издеваешься? — спросила я.

— Почему?

— Я столько не съем.

— Не съешь — оставишь.

Она налила мне чай, я взяла вилку. Картошка была горячей, с хрустящей корочкой и мягкой серединой. Я съела несколько кусочков и остановилась. Оксана делала вид, что занята телефоном.

— Вкусно? — спросила она.

— Очень.

— Тогда ешь.

Я ела медленно, но почти всю тарелку осилила. Оксана дождалась, пока я отодвину посуду, и только тогда достала из ящика стола бумажную папку.

— Здесь кое-что для тебя.

Я сразу насторожилась.

— Что?

— Копии писем. Те, которые я отправляла и которые мне вернули. Несколько ответов из учреждений. Адрес Виктора. Номер Кирилла. Еще я записала, что удалось узнать про твои документы.

Я открыла папку и нахмурилась: на первом листе был знакомый адрес — Ярославль, улица, дом, квартира.

— Это что?

— Квартира, которую тебе приготовили.

— Откуда знаешь?

— Мне вчера звонил помощник Виктора. Спрашивал, не собираюсь ли я тебя встречать. Очень вежливо интересовался.

— И что ты сказала?

— Что не его дело.

Я улыбнулась.

— Потом он объяснил, что для тебя нашли прекрасное жилье. Я попросила адрес. Записала, на всякий случай.

Я перевернула лист. На следующей странице был другой адрес: Нижний Новгород, частный дом.

— Это их?

— Да.

Я провела пальцем по названию улицы.

— Ты точно уверена?

— Уверена. Я туда ездила.

Подняла голову.

— Когда?

— Почти три года назад. Ты просила передать письмо Даше к дню рождения.

Я помнила это письмо. Написала его за неделю до Дашиного десятилетия: как мы пекли печенье, как она обожала собирать камушки и в пять лет решила стать ветеринаром. Потом спросила, кем ей хочется стать теперь. Оксана тогда сказала, что передать письмо не удалось. Но оно мне не вернулось, и я все еще надеялась, что потом дошло до Даши.

— Ты передала?

Оксана покачала головой.

— Мне открыла Елена. Сказала, что девочка в школе. Я объяснила, от кого письмо. Она ответила, что все вопросы надо решать через Виктора.

— Ты оставила его?

— Нет. Она отказалась брать.

— Почему не сказала мне?

— Я говорила, что передать не удалось.

— Но не говорила, что ездила к ним.

— Я не хотела тебя добивать.

Я закрыла папку.

— Оксана, больше так не делай.

Она нахмурилась.

— Как?

— Не решай за меня, что мне можно знать, а что нельзя.

Помолчав, Оксана кивнула.

— Хорошо. Прости.

Я тоже кивнула.

Мы обе понимали, почему этот разговор оказался для меня таким важным. Я слишком долго жила среди людей, которые лучше меня знали, что мне нужно.

— Так, — Оксана первой нарушила тишину. — Давай про практические дела. Жить можешь сколько угодно. За комнату денег не возьму. Работу я тебе найду, хоть завтра приходи. Пока будешь разбираться со всем остальным, посидишь на заказах.

— Я умею работать с документами.

— Еще бы. Ты у меня бухгалтерию в институте проверяла.

— Не бухгалтерию. Твои расходы на свидания.

— Там было что проверять.

Я засмеялась.

Оксана довольно посмотрела на меня.

— Вот. Уже больше похожа на человека.

Я постучала пальцем по конверту с деньгами.

— Виктор прислал пятьдесят тысяч.

— Знаю. Помощник и об этом говорил.

— Я взяла.

— Правильно сделала.

— Он, наверное, рассчитывает, что я уеду.

— Пусть рассчитывает. Математика — полезная наука.

Я снова улыбнулась.

Потом спросила:

— Как он выглядит сейчас?

— Виктор?

— Да.

Оксана взяла телефон.

— Могу показать.

— Покажи.

Она открыла фотографию. Виктор в парадной форме: широкие плечи, седина на висках, уверенная улыбка, на груди награды. Рядом Елена в светлом платье. Я узнала ее сразу.

Семь лет назад она работала у нас в фонде. Всегда аккуратная, спокойная, с красивыми светлыми волосами. Мне нравилось, как она разговаривает с людьми. Иногда я даже завидовала ее терпению.

На фотографии Виктор держал ее за талию. Они выглядели благополучной парой.

— Это с какого мероприятия? — спросила я.

— С какого-то приема. В прошлом году. Он уже тогда генерал-майором был.

Я увеличила изображение. У Виктора появились морщины возле глаз. Помню, он всегда жаловался, что выглядит моложе своей должности. Теперь не жаловался бы.

— Давно они женаты? — спросила я.

— Официально четыре года.

Я отдала телефон.

Развод мне оформили через суд, пока я отбывала наказание. Документы принесли позже. Я тогда не удивилась. Виктор перестал приезжать задолго до этого.

Меня мучило другое: Елена была рядом с ним еще до суда.

Когда именно началась их связь, я так и не узнала.

— У них есть общие дети?

Оксана покачала головой.

— Нет.

— А Даша...

Я замолчала.

— Что Даша? — мягко спросила она.

— Счастлива?

Оксана вздохнула.

— Я видела фотографии. Она занимается рисованием. Ездит на конкурсы. В школе вроде все хорошо. Но по фотографии разве поймешь, счастлива она или нет?

Я кивнула.

— Конечно.

В комнате зазвонил телефон Оксаны. Она встала, ушла отвечать.

Я осталась на кухне. Передо мной стояла пустая тарелка, рядом лежала папка с адресом дома, где жила моя дочь. Я открыла сумку и достала вязаного зайца.

Серые нитки местами свалялись. Одно ухо было короче другого, нос получился немного кривым. Я смотрела на игрушку и вспоминала, как Даша прижимала к груди своего первого зайца, еще магазинного, с розовой ленточкой.

Теперь ей двенадцать, она могла вообще не любить мягкие игрушки. Я положила зайца обратно.

Когда Оксана вернулась, я уже переоделась.

— Ты куда собралась?

— К детям.

Она посмотрела на часы.

— Нина, почти шесть.

— Знаю.

— Может, сначала позвонить Кириллу?

— Позвоним.

Я набрала его номер с телефона Оксаны. Длинные гудки, потом вызов оборвался. Попробовала еще раз — то же самое. Оксана молча протянула руку за телефоном.

— Я отвезу тебя.

***

Дом Баженовых стоял в небольшом поселке за городом.

Дорога проходила между аккуратными коттеджами, у каждого были высокие заборы, камеры и одинаково подстриженные кусты.

Когда-то Виктор мечтал о собственном доме. Я помнила, как мы выбирали участки, спорили из-за планировки, считали, хватит ли денег на строительство. Он говорил, что обязательно сделает мне большую кухню и окно над раковиной.

— Чтобы ты смотрела на сад, пока готовишь, — объяснял он.

Я смеялась.

— А ты почему уверен, что готовить буду только я?

— Ну, хочешь, я тоже иногда постою у раковины.

В тот вечер мы были счастливы. По крайней мере, я так думала.

Теперь передо мной стоял готовый дом — двухэтажный, светлый, с широкими окнами. Перед входом росли небольшие туи, у гаража стояла черная машина. Все это построили без меня.

— Красиво, — сказала Оксана.

— Да.

— Нин, я могу пойти с тобой.

— Не надо.

— Тогда подожду здесь.

Я вышла, нашла у калитки кнопку домофона и нажала. Прошло несколько секунд.

— Да?

Голос был мужской. Я сразу узнала его и одновременно испугалась, что ошиблась.

— Кирилл?

Пауза.

— Кто это?

— Сынок, это мама.

На другом конце стало тихо.

Потом раздалось:

— Я понял.

Голос был низкий, взрослый.

У моего мальчика никогда не было такого голоса.

— Ты можешь выйти? — спросила я.

— Зачем?

Я крепче сжала ремень сумки.

— Я хочу тебя увидеть.

— Мам, я сейчас не могу.

Мам. Он назвал меня мамой. Я не ждала, что это так на меня подействует.

— Я ненадолго, — сказала я. — Пожалуйста.

— Подожди.

Связь оборвалась. Я стояла перед калиткой, стараясь дышать ровно. Через минуту дверь дома открылась, по дорожке пошел молодой мужчина.

Высокий, крепкий, в темных брюках и светлой рубашке с закатанными рукавами. Волосы коротко подстрижены, на подбородке легкая щетина.

Он остановился возле калитки. Мы смотрели друг на друга через металлические прутья. У него были мои глаза, а все остальное — Виктора.

— Привет, — сказала я.

— Привет.

Я улыбнулась.

— Ты вырос.

Кирилл опустил глаза.

— За семь лет обычно вырастают.

Я почувствовала, как лицо стало горячим.

— Да. Конечно.

Он открыл калитку, но наружу не вышел.

— Ты чего приехала без предупреждения?

— Я звонила.

— Я был занят.

— Я понимаю.

Он посмотрел на мою сумку.

— Ты сегодня освободилась?

— Да.

— Папа говорил, что тебе приготовили квартиру.

— В Ярославле.

— Ну да.

— Я решила остаться здесь.

Кирилл нахмурился.

— Зачем?

Я не сразу нашлась. Вопрос был настолько странным, что пришлось внимательнее посмотреть на сына.

— Потому что здесь мои дети.

Он отвел взгляд.

— Мы же не маленькие.

— Я вижу.

— Даше вообще двенадцать.

— Я знаю, сколько ей лет.

— Тогда должна понимать, что нельзя просто приехать и потребовать...

— Чего потребовать?

Он замолчал.

Я ждала.

— Чтобы все стало как раньше, — закончил он.

С дороги донесся шум проезжающей машины.

Я поправила ремень сумки.

— Кирилл, я не требую, чтобы все стало как раньше.

— Тогда чего ты хочешь?

— Увидеть тебя. Поговорить. Узнать, как ты живешь.

— Нормально я живу.

— Учишься еще?

— Закончил.

— Работу нашел?

— Работаю.

— Где?

Он посмотрел на меня с раздражением.

— Мам, это допрос?

Я прикусила губу. В пятнадцать Кирилл рассказывал мне все подряд: про учителей, друзей, девочек, футбол, новую игру, какую-то драку возле школы. Я знала, какой чай он любит, как терпеть не может лук в котлетах и что никогда не застегивает куртку до конца. Теперь не знала даже, где он работает.

— Нет, — ответила я. — Просто спрашиваю.

Он вздохнул.

— Работаю в строительной компании. Помощником руководителя проекта. Все нормально.

— Тебе нравится?

— Нравится.

— Я рада.

Кирилл засунул руки в карманы.

— Слушай, давай без этого.

— Без чего?

— Без попыток за пять минут наверстать семь лет.

Я посмотрела на него.

— Хорошо.

Он словно не ожидал согласия.

— Правда?

— Правда.

— Тогда скажи мне, когда мы сможем встретиться, — сказала я после паузы. — Сядем где-нибудь, выпьем кофе. Ты расскажешь то, что захочешь.

Кирилл потер подбородок.

— Мне надо подумать.

— Сколько?

— Не знаю.

Я кивнула.

Он по-прежнему стоял в открытой калитке, не приглашая войти.

— Даша дома? — спросила я.

Кирилл сразу напрягся.

— Мам...

— Я не собираюсь врываться к ней. Просто спрашиваю.

— Дома.

Я почувствовала, как дрогнули пальцы.

— Можно мне ее увидеть?

— Сегодня нет.

— Почему?

— Потому что она не готова.

— Ты с ней разговаривал?

— Папа разговаривал.

Я закрыла глаза на секунду.

— А сама Даша что сказала?

Кирилл посмотрел на меня почти сердито.

— Ты вообще понимаешь, что происходит? Она маленькая была, когда тебя забрали. Она почти ничего не помнит.

— Я знаю.

— У нее своя жизнь.

— Я тоже знаю.

— Тогда зачем приехала?

Я с трудом удержала голос ровным.

— Потому что она моя дочь.

— Мам, ну не начинай.

— Я не начинаю. Я хочу ее увидеть. Не сегодня — значит, в другой день. Но я хочу поговорить с ней. Хочу узнать, как она учится, чем увлекается, что любит. Я не прошу ее бросать привычную жизнь.

Он коротко усмехнулся.

— Все так просто, да?

— Нет. Совсем не просто.

Кирилл смотрел на меня, сжав челюсти.

Я поняла: злится он не только из-за моего появления. Чего-то боится.

— Что тебе рассказал отец? — спросила я.

Кирилл отвернулся.

— Мы не будем это обсуждать.

— Почему?

— Потому что все уже обсудили семь лет назад.

У меня похолодели руки.

— Что именно?

Он снова посмотрел на меня.

— Мам, ты правда хочешь сейчас об этом?

— Да.

— Ты сама во всем призналась. Сама подписала документы. Сама сказала, что деньги взяла ты.

Я молчала.

Он продолжал:

— Отец потом годами разгребал последствия. Нам пришлось переезжать. Даша не понимала, где ты. Я вообще школу заканчивал, когда все это происходило.

— Я помню.

— А теперь ты приезжаешь и ведешь себя так, будто тебя просто не было дома.

— Кирилл...

— Папа сказал, что ты отказалась возвращать деньги.

Я подняла голову.

— Что?

— Что ты не захотела говорить, куда их перевела. Поэтому и получила срок.

Сначала я решила, что ослышалась.

— Он так тебе сказал?

— Да.

— Когда?

— Какая разница?

— Большая.

— С самого начала. Еще до суда, — раздраженно выдохнул Кирилл.

Я обхватила ремень сумки обеими руками и вспомнила сына на кухне нашей старой квартиры. Ему было пятнадцать, перед ним лежала раскрытая тетрадь по геометрии. Тогда он спросил:

«Мам, папа говорит, если ты согласишься, все быстро закончится. Это правда?»

А я ответила:

«Мы все решим».

Я думала, что защищаю детей. Теперь Кирилл смотрел на меня и ждал.

— Я не брала эти деньги, — сказала я.

Лицо сына изменилось. На мгновение мне показалось, что он испугался, потом он отступил на шаг.

— Мам, пожалуйста.

— Я не брала тридцать два миллиона. Не переводила их себе. Не покупала ни квартир, ни машин. Ты меня слышишь?

— Я слышу.

— Тогда почему ты...

— Потому что ты сама сказала другое! На суде! Я там был, если ты забыла!

Я замолчала.

Он действительно был в зале, сидел рядом с отцом в темной рубашке. Я не могла смотреть в его сторону, когда зачитывали приговор.

— Кирилл, я тогда...

— Не надо.

Он поднял руку.

— Не надо сейчас рассказывать, что тебя заставили. Я уже слышал эту версию. Папа предупреждал.

Я почувствовала тошноту.

— Он предупреждал?

— Да.

— Что я буду говорить?

— Что тебя подставили. Что он виноват. Что все вокруг виноваты, кроме тебя.

Я смотрела на сына. Виктор продумал все: мое освобождение, квартиру, билет. И заранее подготовил Кирилла к моим словам.

— И ты ему поверил, — сказала я.

Сын побледнел.

— А кому я должен был верить? Тебе?

Я ничего не ответила.

Кирилл провел рукой по лицу.

— Ты понимаешь, сколько раз я ждал, когда это закончится? Когда все перестанут спрашивать, почему моя мать сидит? Когда я смогу нормально жить?

— Понимаю.

— Нет. Не понимаешь. Ты там была, а мы здесь.

Эти слова оказались больнее, чем я ожидала. Я могла ответить, что не выбирала разлуку, каждую ночь думала о них, семь лет просила о встречах, писала, звонила, ждала хоть несколько слов. Но Кирилл тоже пережил эти годы. Его боль никуда не делась оттого, что моя была сильнее.

— Ты прав, — сказала я.

Кирилл удивленно посмотрел на меня.

— Что?

— Ты был здесь. И тебе было тяжело. Я знаю, что не смогла быть рядом.

— Ну вот.

— Но я не украла деньги.

Он раздраженно отвернулся.

— Опять.

— Мне нужно, чтобы ты хотя бы допустил такую возможность.

— Мне нужно время.

— Хорошо.

Мы стояли молча. Из дома донесся женский смех, я подняла глаза. В большом окне второго этажа мелькнула тонкая фигурка в светлой футболке. Девочка прошла так быстро, что я не успела рассмотреть лицо.

— Это Даша? — спросила я.

Кирилл обернулся.

— Где?

— Вон там.

Он посмотрел на окно.

— Наверное.

Я не могла отвести взгляд. Двенадцать лет. Последний раз я держала ее на руках в пять; она еще помещалась у меня на коленях, хотя уже возмущалась, что большая.

— Кирилл, — тихо сказала я. — Пожалуйста. Позови ее хотя бы на минуту.

Он покачал головой.

— Нет.

— Я просто посмотрю.

— Мам, не надо.

Я хотела возразить, но открылась входная дверь.

— Кирилл!

Я вздрогнула от высокого детского голоса.

— Кирилл, ты где?

На крыльцо вышла девочка с длинными темными волосами.

На ней были широкие домашние брюки и светлая футболка. В одной руке она держала телефон, другой поправляла волосы.

Я смотрела на нее. Незнакомое лицо — и до боли родное. Мой нос, мои глаза, то выражение бровей, которое я видела у себя в зеркале, когда сердилась.

Даша.

Она заметила нас и остановилась.

— А кто там?

Кирилл быстро повернулся.

— Даш, иди в дом.

— Почему?

— Потом объясню.

Она прищурилась, пытаясь рассмотреть меня.

Я сделала шаг вперед.

— Дашенька...

Девочка замерла. Секунду смотрела прямо на меня, потом медленно опустила руку с телефоном.

— Это она? — спросила Даша.

Кирилл не ответил.

Я почувствовала, как пересохло во рту.

— Даша, здравствуй. Это я.

Она попятилась на ступеньку.

— Я знаю.

Мне хотелось подойти, обнять ее, взять за руки. Но дочь стояла возле двери, а между нами было несколько метров и семь лет.

— Ты очень выросла, — сказала я.

Даша ничего не ответила.

— Я так рада тебя видеть.

Она опустила глаза на телефон.

— Я...

Дверь за ее спиной открылась.

На крыльцо вышла Елена.

Светлые волосы собраны в низкий хвост, на плечах мягкий домашний кардиган. Она держала в руках кухонное полотенце.

Елена перевела взгляд с Даши на Кирилла, увидела меня, и лицо у нее изменилось.

— Нина?

Я кивнула.

— Здравствуй, Елена.

Она медленно опустила руку с полотенцем.

— Мы не ожидали тебя сегодня.

— Я заметила.

Кирилл повернулся к ней.

— Я сейчас все объясню.

— Хорошо, — ответила Елена.

Она посмотрела на Дашу.

— Дашенька, зайди, пожалуйста, в дом.

Девочка не двинулась.

— Это моя мама, да?

Впервые за вечер я не знала, что сказать. Елена тоже помолчала, потом присела рядом с девочкой.

— Да, Даша. Это Нина Сергеевна.

Нина Сергеевна. Не мама. От этого обращения больно сжалось внутри.

Даша снова посмотрела на меня.

— Здравствуйте.

Я кивнула.

— Здравствуй, родная.

Она смутилась.

— Я...

Елена мягко коснулась ее плеча.

— Иди пока внутрь. Мы поговорим.

Даша еще раз посмотрела на меня, повернулась и вошла в дом. Я стояла не шевелясь. Елена выпрямилась.

— Нина, сейчас действительно неудобный момент.

Я подняла на нее глаза.

— Неудобный?

— Даша не подготовлена. Мы должны были заранее все обсудить.

— Кто должен был?

Елена растерялась.

— Мы. Взрослые.

Я медленно кивнула.

— Понятно.

Кирилл шагнул ко мне.

— Мам, не надо устраивать сцену.

— Я еще ничего не устроила.

— Ну вот и не надо.

Я посмотрела на сына, потом на Елену. Когда-то она работала у меня в фонде. Я заказывала для нее новый стол взамен шаткого, поздравляла с днем рождения, однажды защищала перед Виктором, когда он считал, что она недостаточно быстро подготовила отчет.

Теперь она стояла на крыльце дома моего бывшего мужа. В моем старом семейном халате? Нет, на ней был кардиган. Я устыдилась собственной мысли: Елена была в своей одежде, в своем доме и имела полное право здесь находиться. Только право это появилось, пока я сидела.

— Я не собираюсь забирать Дашу сегодня, — сказала я. — Мне нужно с ней разговаривать. Постепенно. Я готова приезжать в удобное для нее время.

Елена заметно расслабилась.

— Конечно. Мы обсудим.

— С кем?

— С Виктором.

Я усмехнулась.

— Ясно.

— Нина...

— Нет, Елена. Я очень спокойно с тобой разговариваю. Но мои встречи с дочерью я не собираюсь обсуждать только через Виктора.

Елена посмотрела на Кирилла, тот отвел глаза.

— Мы найдем решение, — сказала она.

Я кивнула.

— Надеюсь.

В доме что-то стукнуло.

Потом раздался голос Даши:

— Мам! А где мои краски? Я оставляла на кухне!

Елена обернулась.

— В нижнем ящике, солнышко!

Я медленно опустила взгляд. Мам. Обычное слово, которым дети зовут женщин, подающих им завтрак, покупающих лекарства, ругающихся из-за разбросанных вещей, помогающих с уроками. Даша звала так Елену, и Елена отвечала.

Я ревновала к семи годам обычной жизни: разбитым коленкам, пропущенным урокам, первым подружкам, утренникам и дням рождения. К тому, что Елена знала, в каком ящике лежат краски, а я — нет. Свадьба, дом, даже их постель сейчас не имели к этой боли отношения.

— Мне пора, — сказала я.

Кирилл посмотрел на меня.

— Мам...

— Ничего. Я понимаю.

Я посмотрела на дом. Даша больше не показывалась.

— Передай ей, пожалуйста, что я рада была ее увидеть.

Он кивнул.

— Передам.

— И еще...

Я запнулась. Хотела сказать, что люблю ее, но для девочки, только что поздоровавшейся со мной как с чужой женщиной, это было бы слишком большим словом.

— Скажи, что я могу подождать, пока она захочет поговорить.

Кирилл снова кивнул.

Я вышла за калитку. За спиной щелкнул замок — Кирилл закрыл ее.

Я прошла несколько метров к припаркованной машине Оксаны, дверь сразу открылась.

— Ну что? — спросила она.

Я села, пристегнула ремень. Оксана посмотрела на меня и перестала улыбаться.

— Нин...

— Поехали.

Она завела двигатель, мы выехали с улицы и свернули к шоссе. Минут десять я молчала, Оксана не спрашивала. Потом я сказала:

— Она зовет Елену мамой.

Подруга крепче сжала руль.

— Я понимаю.

— Кирилл считает, что я украла деньги.

— Нина...

— Виктор ему так сказал. Что я отказалась возвращать украденное. Поэтому и получила срок.

Оксана резко выдохнула.

— Вот скотина.

Я посмотрела в окно.

— А самое страшное знаешь что?

Она молчала.

— Я не могу просто сказать, что это неправда.

— Почему?

— Потому что я призналась. Подписала. На суде сама подтвердила.

Я вспомнила небольшой кабинет, стол, двух мужчин напротив. Виктор сидел рядом, держал меня за руку.

«Нина, ты только не пугайся. Наши все договорились. Главное, не начинай менять показания. Тогда будет хуже».

Я верила ему даже после того, как адвокат перестал говорить об условном наказании. Когда судья произнесла «семь лет», повернулась к Виктору, но он сидел неподвижно и ни разу не посмотрел на меня.

— Но ведь ты этого не делала, — сказала Оксана.

— Я не крала деньги. Но документы подписывала. И показания давала добровольно.

— Он тебя обманул.

— Да.

— Только это не отменяет того, что я сама согласилась, — сказала я, закрыв глаза.

Оксана некоторое время молчала.

Потом сказала:

— Тогда будем разбираться. Только нормально, с адвокатом. Не как в прошлый раз.

— У меня есть старые документы.

— Я знаю.

— Надо посмотреть их еще раз.

— Посмотрим.

Я повернулась к ней.

— Ты ведь понимаешь, что Виктор не даст мне спокойно общаться с детьми?

— Это я поняла еще почти три года назад, — поморщилась Оксана.

— Он будет говорить им, что я опять все порчу.

— Пусть говорит.

— Они ему верят.

— Пока.

Я смотрела на подругу.

— Ты уверена?

— Нет, — честно ответила она. — Но я знаю, что если ничего не делать, они точно не узнают правду.

Мы проехали мимо остановки, где школьники с рюкзаками жевали булочки и громко смеялись. Обычная жизнь продолжалась, а я впервые за семь лет могла что-то в ней изменить. Сама искать людей, ездить, разговаривать — вместо очередного заявления и полугодового ожидания, просьб разрешить звонок, надежды на посредника. Оставалось понять, с чего начинать.

***

Дома Оксана разогрела ужин, но я почти ничего не съела.

После десяти она ушла к себе, предварительно десять раз напомнив, где стоят чай, сахар, лекарства и запасные полотенца.

— И телевизор включай, если хочешь, — сказала она. — Соседям все равно, они сами до двух ночи футбол смотрят.

— Хорошо.

— И дверь в комнату можешь закрыть.

Я кивнула.

Она уже собиралась уйти, но остановилась.

— Нин.

— Что?

— Ты сегодня сделала все, что могла.

Я посмотрела на нее.

— Не все.

— На первый день достаточно.

Она выключила свет в коридоре, и я осталась одна. В комнате было тихо. В колонии даже ночью кто-то ворочался, кашлял, шептал, ходил по коридору; здесь я слышала только редкие машины за окном.

Я легла, потом встала попить воды, снова легла. Один раз подошла проверить дверь и заставила себя отойти.

Одежду я все-таки достала из сумки: часть повесила, остальное разложила по полкам. Оксана была права — здесь никто не собирался считать мои вещи. Но спать не получалось.

Перед глазами стояла Даша: длинные темные волосы, тонкие руки, удивленный взгляд. И Кирилл со своим: «А кому я должен был верить? Тебе?»

Я достала из бокового кармана сумки толстую папку со старым уголовным делом. Вернее, с копиями, которые удалось собрать за годы заключения: часть присылала Оксана, часть я получала через адвокатов. Потертые листы с заломленными уголками.

На первой странице значилось:

«Уголовное дело в отношении Баженовой Нины Сергеевны».

Я долго смотрела на собственное имя. В документах оно встречалось сотни раз. Иногда мне казалось, что кроме него во мне ничего не осталось.

Я раскрыла папку. Протоколы, финансовые справки, копии платежных поручений, таблицы — я знала их почти наизусть. Тридцать два миллиона рублей. Эта сумма преследовала меня семь лет.

Она звучала на суде, в новостях, в разговорах, в письмах. Из-за нее меня называли воровкой, хотя я не купила себе на эти деньги ни одной вещи.

Но сегодня меня интересовали другие цифры. Я открыла список подрядчиков фонда «Верный берег», когда-то моего дела.

Мы помогали детям, которым требовалась реабилитация после тяжелых заболеваний и травм. Организовывали ремонт помещений, закупали оборудование, привлекали специалистов.

Первые годы я работала почти без выходных. Виктор гордился мной: приводил знакомых на мероприятия, произносил красивые речи, рассказывал, сколько полезного делает его жена. Позже стал приводить незнакомых мне солидных мужчин с дорогими часами, предлагал заключать договоры с рекомендованными им компаниями. Я спорила, иногда соглашалась. Часть этих договоров потом оказалась в материалах дела.

Я перелистнула несколько страниц: акт выполненных работ, платежное поручение, справка о суммах, которые фонд не перечислил подрядчикам. Остановилась на строке: «ООО „Гранит-Проект“». Директор — Серов Андрей Ильич.

Я нахмурилась. Имя казалось знакомым; через несколько секунд нашла другую страницу.

Серов выступал в деле как представитель компании, которой фонд не оплатил часть выполненных работ.

Я помнила мужчину в зале суда.

Высокий, темноволосый, с тяжелым взглядом. Он сидел за представителями потерпевших, слушал показания и несколько раз просил уточнить, кто согласовал изменения в платежных документах.

Тогда я не придала этому значения.

На суде было много людей, которым я не могла ответить.

Я перевернула лист. Компания Серова выполнила работы на четырнадцать миллионов рублей, а получила только четыре. Десять миллионов остались долгом фонда.

Я снова посмотрела на фамилию. Серов. В отличие от большинства людей, упоминавшихся в моем деле, он действительно потерял деньги и, вероятно, ненавидел меня.

Но он мог знать то, чего не было в моих документах: кто обещал оплатить его работы, с кем он встречался, кому передавал счета, в какие дни ему звонили из фонда.

Я записала фамилию в блокнот и тихо вышла на кухню. Свет еще горел, Оксана сидела за столом с ноутбуком.

— Не спится? — спросила она.

— Нет.

Она отодвинула чашку.

— Чай будешь?

— Потом. Можно кое-что найти?

— Что?

Я показала ей лист.

— Этот человек. Андрей Серов. Он раньше руководил строительной компанией.

Оксана взяла бумаги.

— А тебе зачем?

— Хочу поговорить.

— О чем?

— О нашем старом деле.

Она посмотрела на меня.

— Сейчас?

— Найти его можно сейчас. Разговаривать завтра.

Оксана открыла поиск. Несколько минут мы молча просматривали результаты. Старая компания была ликвидирована, зато нашлась другая, инженерная. Серов Андрей Ильич значился ее руководителем. На сайте были фотографии объектов, адрес офиса и телефон приемной.

Оксана увеличила одну из фотографий.

Мужчина стоял рядом с другими людьми возле нового здания. На нем была темная куртка, руки он держал в карманах.

Я узнала его. В суде он выглядел моложе; сейчас у висков появилась седина, лицо стало жестче.

— Симпатичный, — неожиданно заметила Оксана.

Я посмотрела на нее.

— Мне не жених нужен.

— А я и не предлагаю. Просто констатирую.

Она нажала на страницу контактов.

— Тут номер приемной. Еще какой-то мобильный указан в старой публикации. Может, уже не работает.

Я записала оба.

— Нина, ты уверена, что хочешь с ним разговаривать?

— Нет.

— Тогда, может, утром?

Я посмотрела на часы — без малого одиннадцать вечера.

— Утром он может не ответить. А если ответит сейчас, значит, хотя бы выслушает.

Оксана протянула мне телефон.

— Звони с моего.

Я взяла телефон и несколько секунд смотрела на цифры.

Семь лет назад Андрей Серов сидел в зале суда и слушал, как я признаюсь в хищении денег, из-за которого пострадала в том числе его компания.

Я не знала, что он скажет, услышав мой голос.

Возможно, бросит трубку или выругается. Скажет, что давно забыл эту историю и не желает больше иметь со мной дела.

Я набрала номер. Первый гудок, второй, третий. Оксана сидела напротив и делала вид, что смотрит в ноутбук. На четвертом гудке мне ответили.

— Серов. Слушаю.

Голос оказался ниже, чем я помнила.

Я сжала телефон.

— Андрей Ильич, здравствуйте. Меня зовут Нина Баженова.

В трубке молчали. Послышался звук передвинутого предмета, потом Серов спросил:

— Какая Баженова?

Я облизнула пересохшие губы.

— Из фонда «Верный берег».

Он не ответил.

Я заставила себя продолжить:

— Сегодня я вышла на свободу. Мне нужно с вами поговорить.

На этот раз он молчал дольше, потом произнес:

— Семь лет прошло, Нина Сергеевна. Вы наконец решили рассказать, куда делись мои деньги?

Глава 2. Человек, которого я разорила

— Какие именно деньги, Андрей Ильич? — спросила я.

На другом конце провода послышался короткий смешок.

— Вы серьезно?

Я прижала телефон к уху.

Оксана сидела напротив, старательно разглядывая экран ноутбука. Правда, за последние несколько минут она ни разу не пошевелила мышкой.

— Я знаю, сколько ваша компания потеряла, — сказала я. — Десять миллионов по договору. Еще были убытки, которые вы пытались взыскать.

— Тринадцать миллионов, Нина Сергеевна. Если считать все убытки от вашей благотворительности. Хотя к сегодняшнему дню сумма уже не имеет прежнего значения.

— Почему?

— Потому что компанию не воскресить. Людей, которых пришлось уволить, назад не вернуть. А оборудование, проданное за половину стоимости, не появится в цехе только потому, что вы решили мне позвонить.

Я промолчала. Он говорил слишком спокойно для человека, который только что услышал голос женщины, признанной виновной в хищении его денег.

— Так зачем вы звоните? — спросил Серов. — Хотите предложить компенсацию?

— Нет.

— Извиниться?

— За то, что произошло с вашей компанией, мне действительно жаль.

— Как трогательно.

— Но извиняться за кражу, которой я не совершала, не стану.

Снова наступила тишина.

Я слышала какое-то движение, потом звук закрывающейся двери.

— Вы сейчас где? — спросил он.

— В Нижнем Новгороде.

— Уже?

— Я освободилась утром.

— И первым делом решили найти меня?

— Нет. Первым делом я попыталась увидеть детей.

Я сама не поняла, зачем это сказала.

Серов немного помолчал.

— И как?

— Плохо.

— Понятно.

В его голосе не появилось сочувствия. Но и насмешки больше не было.

— Андрей Ильич, мне известно, что ваша компания действительно выполняла работы для фонда. Я хочу понять, кто распорядился деньгами, которые вам не выплатили.

— Вы руководили фондом.

— Да.

— Подписывали документы.

— Да.

— А теперь хотите узнать, кто распоряжался деньгами?

— Именно.

Он выругался. Негромко, но вполне отчетливо.

Оксана подняла глаза.

Я сделала вид, что ничего не услышала.

— Мне не нужны ваши деньги, — продолжила я. — И я не прошу вас мне верить. Но у вас могли сохраниться договоры, счета, переписка. То, чего не было в материалах уголовного дела.

— С чего вы решили, что у меня что-то сохранилось?

— Вы пытались взыскать долг. Значит, документы собирали.

— Я пытался взыскать его до того, как фирма прекратила существование.

— Но вы ведь не выбросили все бумаги сразу после закрытия?

Он не ответил. Я ждала, глядя на часы над кухонной дверью. Двадцать три часа двенадцать минут.

— Завтра в десять тридцать, — наконец сказал Серов.

Я выпрямилась.

— Где?

Он назвал адрес на Рождественской улице.

— Приходите без сопровождающих. Документы возьмите, какие есть.

— Хорошо.

— И, Нина Сергеевна...

— Да?

— Если вы рассчитываете разжалобить меня рассказами о тяжелой судьбе, лучше не тратьте время.

Я посмотрела на собственные руки и вспомнила, как сняла обручальное кольцо.

— Не беспокойтесь, Андрей Ильич. Жалеть меня можете не начинать.

Я отключила вызов.

Оксана захлопнула ноутбук.

— Ну?

— Завтра встречаемся.

— Он тебя не послал?

— Почти.

— Значит, перспективный мужчина.

Я посмотрела на нее.

— Оксан.

— Что? Я вообще о сотрудничестве.

Она потянулась за чашкой и вдруг стала серьезной.

— Нина, ты только не вздумай идти к нему одна с оригиналами. И ничего не подписывай.

Я невольно улыбнулась.

— Поздно ты начала давать мне этот совет.

Подруга поморщилась.

— Дурацкая шутка.

— Зато жизненная.

Я вернула ей телефон.

— Мне нужен свой.

— У меня есть старый. Экран целый, батарея нормальная. Завтра купим симку.

— Я сама куплю.

— Господи, какая ты упрямая.

— Всегда была.

— Раньше хоть по делу.

Я рассмеялась — впервые за этот день по-настоящему. Потом вспомнила слова Серова. Тринадцать миллионов. За строчкой в приговоре стояли рабочие, оборудование, кредиты, чужие семьи.

Я подняла со стола папку.

— Оксан, у тебя есть принтер дома?

Она посмотрела на меня так, словно я предложила ей прямо сейчас построить космический корабль.

— Нина, я владелица печатной мастерской.

— Ну мало ли. На работе сапожник без сапог.

— В шкафу стоит. Только, умоляю, не заставляй меня в одиннадцать ночи распечатывать двести страниц.

— Не заставлю.

Я взяла бумаги.

— Мне достаточно десяти.

***

В ту ночь я почти не спала, и предстоящая встреча была ни при чем.

Оксана оставила на прикроватной тумбочке стакан воды, ночник и маленькую коробку с печеньем. В комнате было тепло. На окне висели плотные шторы.

Все было как в нормальной спальне, только я никак не могла привыкнуть к тому, что дверь никто не откроет без стука.

Около двух часов ночи в коридоре что-то щелкнуло.

Я села на кровати, прежде чем успела понять, где нахожусь.

Это щелкнул холодильник, затем заработал компрессор. Я прислушалась, выругала себя за глупость и легла обратно.

Через полчаса снова встала.

Проверила телефон, который Оксана оставила мне до утра. Старый аппарат с потертым чехлом. На экране была фотография незнакомого рыжего кота.

Кирилл не звонил.

Конечно, не звонил.

Я ведь даже не оставила ему номер.

Он мог позвонить Оксане. У него был ее номер. И все-таки я несколько минут смотрела на экран, словно звонок зависел от того, насколько сильно я его ждала.

Потом открыла фотографии, сохраненные подругой.

На одной Даше было лет десять.

Она стояла возле мольберта, держа кисточку. На щеке синяя полоска краски. Волосы собраны в два хвостика.

Я увеличила снимок.

Не сразу заметила Елену на заднем плане, возле открытой двери. Она смотрела на Дашу и улыбалась. Я ревновала: хотелось обрезать фотографию, оставить только дочь. Палец уже коснулся экрана, но я остановилась.

Елена была частью жизни Даши. Убирать ее с фотографии значило притворяться, что этих семи лет не было.

Я положила телефон рядом, в темноте нашла рукой сумку и вытащила блокнот. Записала несколько вопросов для Серова.

Кто принимал выполненные работы?

Кому направляли претензии?

Кто отвечал на письма?

Были ли дополнительные соглашения?

У кого остались оригиналы?

Я остановилась на последнем вопросе.

В моем деле было много копий.

Оригинальные договоры, часть бухгалтерских документов, переписка с подрядчиками — все это изымали, изучали, возвращали или приобщали к материалам. Что-то пропало еще до обыска.

Я помнила, как после ареста пыталась восстановить обычный рабочий день.

Вспоминала, кто входил в кабинет, где стоял компьютер, когда Карцев приносил папки. В какой-то момент дни слились, и я перестала доверять даже собственной памяти.

Зато отлично помнила Виктора.

Как он приехал вечером, сел напротив и долго держал мою руку.

«Ты ведь понимаешь, что они могут сделать с Кириллом? Ему только пятнадцать. Представляешь, что начнется в школе?»

Я тогда плакала.

Он гладил меня по волосам.

«Нин, я тебя вытащу. Только действовать надо грамотно. Ты же знаешь, я никогда тебя не бросал».

Я поверила.

Даже сейчас, когда знала все, что произошло потом, воспоминание о том вечере оставалось мучительным.

Он не кричал, не угрожал, не заставлял силой. Говорил со мной голосом мужчины, которого я любила почти двадцать лет, — именно поэтому я согласилась.

Я закрыла блокнот.

Утром мне предстояло встретиться с человеком, который видел совсем другую сторону той истории.

Может быть, она окажется полезнее моей памяти.

***

В восемь Оксана осторожно постучала, собираясь меня разбудить. Я уже сидела на кровати.

— Нин, ты спишь?

— Нет.

— Тогда завтрак через десять минут.

Она приоткрыла дверь и увидела мои разложенные бумаги.

— Ты вообще ложилась?

— Ложилась.

— И?

— Не понравилось.

Оксана вздохнула.

— Сегодня купим тебе симку, нормальные вещи и что-нибудь успокоительное.

— На симку согласна.

— А остальное?

— У меня есть одежда.

Она посмотрела на серую футболку, которую я приготовила с вечера.

— Эта, например?

— Хорошая футболка.

— Для дачи.

— Серов же не на свидание меня пригласил.

— Тем более. Пусть видит, что ты серьезная женщина.

Я бросила в нее сложенным полотенцем.

Оксана поймала его и рассмеялась.

Через полчаса мы поехали в магазин.

На себя в примерочной я старалась не смотреть.

Оксана выбрала темно-синие брюки, светлую рубашку и недорогой жакет. Я примерила, покрутилась перед зеркалом и сказала:

— Слишком официально.

— Ты куда идешь?

— Разговаривать с человеком, которого моя подпись оставила без денег.

— Вот именно.

Я сняла жакет.

— Мне нужна одежда, в которой я смогу работать. А не изображать женщину из хорошей семьи.

Оксана хотела возразить, но передумала.

В итоге мы купили темные джинсы, хлопковую блузку и легкую куртку.

Я расплатилась деньгами Виктора.

На кассе пришлось заново привыкать к тому, что никто не спрашивает, зачем мне столько вещей.

Потом мы купили сим-карту и зашли в кофейню.

Я заказала капучино.

Когда-то Виктор смеялся, что я могу отличить хороший кофе от плохого по запаху. Сейчас я сидела возле окна, держала теплый стакан и не могла вспомнить, когда в последний раз пила кофе не из пакетика.

Оксана рассказывала, как оформить заказ через приложение.

Я слушала вполуха.

За соседним столиком молодая женщина спорила с мужчиной.

— Я сказала, что в субботу не могу! — раздраженно повторяла она. — У меня встреча с подругами.

— Ты же обещала поехать к маме.

— Я обещала в воскресенье.

Они сердились друг на друга из-за обычной субботы.

Мне вдруг стало завидно.

У них было так много времени, что они могли тратить его на споры о выходных.

Оксана заметила, куда я смотрю.

— Что?

— Ничего.

— Нина.

Я улыбнулась.

— Просто вспомнила, что мне сорок пять.

— Поздравляю.

— А я даже не знаю, как теперь люди знакомятся, работают, заказывают продукты.

— Ну с мужчинами все просто. Сначала они делают вид, что невероятно интересные, потом оказывается, что у них болит спина и они не умеют выбирать помидоры.

Я рассмеялась.

— У тебя кто-то есть?

— Иногда.

— Это как?

— Когда мне хочется.

Я посмотрела на нее с интересом.

Оксана была разведена уже шесть лет, детей у нее не было. В последние годы мы мало говорили о ее личной жизни: мне казалось неудобным расспрашивать ее о свиданиях из колонии.

— И ты довольна? — спросила я.

— Бывает по-разному. Но решаю сама.

Она отпила кофе.

— А тебе пока вообще не о мужчинах надо думать.

— Я и не думаю.

— Вот и правильно.

Мы помолчали.

Потом Оксана вдруг спросила:

— Ты к Виктору вернуться не собираешься?

Я чуть не поперхнулась.

— Ты с ума сошла?

— Просто спрашиваю.

— Он женат на другой.

— Это некоторым не мешает.

Я поставила стакан.

— Оксан, я семь лет ждала, что он хотя бы скажет правду.

— И?

— На третий год поняла, что ждать больше нечего.

Подруга внимательно посмотрела на меня.

— А если начнет просить прощения?

Я задумалась.

Виктор умел просить прощения.

Когда-то после ссор он приносил цветы, готовил завтрак, придумывал смешные записки. Мог встать ночью, чтобы принести мне воды. Мог приехать за мной через весь город, если я задерживалась на работе.

Он не всегда был чудовищем. Наверное, именно это и было страшнее всего.

— Я ему не верю, — сказала я.

Оксана кивнула.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что еще одну твою свадьбу с ним я не переживу.

Я улыбнулась.

Но потом вспомнила Кирилла.

Его слова возле калитки.

«А кому я должен был верить?»

Мне необходимо было доказать сыну правду, чтобы он перестал считать меня человеком, который обменял его детство на деньги. К возвращению Виктора это не имело отношения.

***

В половине одиннадцатого я стояла перед зданием на Рождественской улице.

Офис Серова располагался в старом трехэтажном доме с высоким крыльцом. На первом этаже работало кафе, рядом находилась небольшая мастерская.

Я проверила адрес — все совпадало. На двери висела табличка:

«Инженерная группа „Север“. Второй этаж».

Поднялась по лестнице.

У входа в офис стояли два мужчины в рабочих куртках. Один разговаривал по телефону, другой держал большой тубус с чертежами.

— Передай Косте, что мы без замеров ничего согласовывать не будем, — сказал первый. — И пусть не рассказывает, что там все очевидно. В прошлый раз тоже было очевидно.

Я невольно улыбнулась.

Привычный рабочий разговор немного успокоил меня.

В приемной сидела молодая женщина с короткими волосами. Она подняла голову.

— Здравствуйте.

— Добрый день. У меня назначена встреча с Андреем Ильичом.

— Ваша фамилия?

Я сделала вдох.

— Баженова.

Женщина на секунду задержала взгляд на моем лице.

Совсем ненадолго.

Но я заметила.

— Одну минуту.

Она взяла телефон.

— Андрей Ильич, Нина Сергеевна пришла.

Пауза.

— Хорошо.

Женщина положила трубку.

— Проходите. По коридору направо, последняя дверь.

— Спасибо.

Я поправила ремень сумки и прошла по светлому коридору. На стенах висели фотографии строительных объектов, схемы инженерных систем и большой календарь. Из одного кабинета доносился смех. Я остановилась перед последней дверью и постучала.

— Войдите.

Открыла.

Серов стоял у окна с телефоном в руке.

Он оказался выше, чем я запомнила. Широкие плечи, темная рубашка с расстегнутой верхней пуговицей, аккуратные брюки. Волосы короткие, с заметной сединой на висках. На лице несколько глубоких складок.

Мужчина посмотрел на меня без любопытства, скорее как на давно закрытую проблему, неожиданно появившуюся снова.

— Здравствуйте, Нина Сергеевна.

— Здравствуйте.

Он указал на кресло напротив стола.

— Присаживайтесь.

Я села, поставила сумку возле ног.

На столе лежали две папки, планшет и несколько листов с чертежами. Серов закончил что-то печатать в телефоне, положил его экраном вниз и сел напротив.

Несколько секунд мы молчали.

Он рассматривал меня без особой деликатности.

— Вы изменились, — сказал наконец.

— Семь лет прошло.

— Да.

— Вы тоже.

Его брови чуть приподнялись.

— Мы знакомы?

— Виделись в суде.

— Я вас помню.

Он произнес это без улыбки.

— Тогда вы выглядели иначе.

— Я была на семь лет моложе.

— Дело не только в возрасте.

Я опустила взгляд на его руки.

Крупные, с коротко подстриженными ногтями. На правой кисти тонкий старый шрам.

— Можно перейти к делу? — спросила я.

Серов откинулся в кресле.

— А я думал, вы сначала захотите рассказать, как вас несправедливо осудили.

— Если вы хотите услышать всю историю, я расскажу. Но лучше начать с того, что можно проверить.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Давайте.

Я достала блокнот.

— В материалах дела указано, что ваша компания выполнила работы на четырнадцать миллионов рублей. Фонд перечислил четыре. Остальные десять не выплатил.

— Верно.

— Вы обращались к нам с претензиями?

— Неоднократно.

— К кому конкретно?

— К вам.

Я подняла голову.

— Лично?

— Не только. Писал официальные письма. Звонил в приемную. Общался с вашим финансовым директором.

— С Олегом Карцевым?

— Да.

— Что он отвечал?

— Сначала обещал оплату. Потом говорил, что возникли проблемы с отчетностью. Затем сообщил, что вы распорядились приостановить платежи.

Я нахмурилась.

— Когда?

— Осенью восемнадцатого.

— Почему я должна была приостанавливать платежи?

Серов посмотрел на меня с таким выражением, словно я задала особенно глупый вопрос.

— Вы руководили фондом. Откуда мне знать, чем руководствовались?

— Работы были выполнены?

— Были.

— Замечания?

— Незначительные. Мы их устранили.

— Кто принимал объект?

— Приемная комиссия. Ваш представитель, технический специалист заказчика и несколько других людей.

— Я присутствовала?

— Нет.

Я записала.

Серов наблюдал за мной.

— Вы действительно ничего не помните?

— Некоторые вещи помню очень хорошо. Но по этому договору я не занималась ежедневной работой. У нас было несколько объектов. Карцев вел финансы, техническую часть контролировали специалисты.

— А подписывали все вы.

— Не все. Но основные документы — да.

Он усмехнулся.

— Удобная схема.

Я отложила ручку.

— Андрей Ильич, я не собираюсь изображать, будто ничего не знала о работе собственного фонда. Это была моя организация. Я отвечала за людей, за договоры, за результаты. И за то, что доверяла Карцеву, тоже отвечала.

Серов молчал.

— Но ответственность за управление не означает, что я похитила тридцать два миллиона.

— Вы признали хищение.

— Да.

— В суде подтвердили?

— Да.

— А теперь отказываетесь от своих слов?

Я выдержала его взгляд.

— От слов о том, что украла деньги, отказалась еще во время заключения. Не один раз.

— Когда поняли, что выйдете не скоро?

Мне захотелось встать. Я напряглась, и он спросил:

— Не нравится вопрос?

— Не нравится.

— А мне не нравилось увольнять людей перед Новым годом. Но пришлось.

Я медленно выдохнула.

— Я пришла сюда не для того, чтобы вы меня пожалели.

— Хорошо.

— И не для того, чтобы оправдать все свои решения. Я совершила страшную ошибку. Только ошибкой было не хищение.

Он подался вперед.

— Тогда что?

Я посмотрела на фотографии строительных объектов за его спиной, на людей в касках. Стало трудно говорить: впервые за много лет я собиралась рассказать это человеку, у которого не было никакой причины мне сочувствовать.

— Мой муж убедил меня признать вину, — сказала я.

Серов не пошевелился.

— Каким образом?

— Он говорил, что деньги вернут. Что есть возможность решить вопрос, если не начнут проверять всех участников. Обещал хороших адвокатов и мягкий приговор.

— И вы согласились?

— Да.

— Просто так?

Я посмотрела на него.

— Вам когда-нибудь приходилось выбирать между тем, что правильно, и тем, что, как вам кажется, спасет вашу семью?

Он слегка изменился в лице.

— Не надо.

— Что?

— Не надо делать из меня участника вашей семейной истории. Я вас ни к чему не принуждал.

— Я и не говорю, что вы принуждали.

— Тогда отвечайте прямо. Вы знали, что признаете преступление, которого не совершали?

— Знала.

Он откинулся назад, несколько секунд смотрел на меня, прежде чем произнести:

— Это очень серьезное признание, Нина Сергеевна.

— Я понимаю.

— Нет. Возможно, не понимаете.

Я почувствовала раздражение.

— Андрей Ильич, я семь лет прожила с последствиями этого решения. Поверьте, успела кое-что понять.

Он замолчал.

Я тоже.

За дверью кто-то громко засмеялся.

Нелепо было слышать обычный смех в момент, когда мы разговаривали о разрушенных жизнях.

Серов взял ручку и несколько раз повернул ее в пальцах.

— И зачем мужу было нужно, чтобы вы признались?

— Я думаю, часть денег получила компания, которую контролировал Карцев. А часть ушла людям, связанным с Виктором.

— Думаете?

— Тогда я не знала всей схемы. Сейчас у меня есть только то, что удалось собрать.

— Прямых доказательств роли мужа нет?

— Пока нет.

Он коротко кивнул.

— Вот это уже честнее.

Я сжала губы.

— А раньше я врала?

— Раньше вы рассказывали мне свою версию. Теперь признаете, что можете подтвердить не все.

Мне не понравилось, что он был прав. За семь лет я привыкла защищаться, любое сомнение в моих словах воспринимала как очередное обвинение. Но Серов не обязан был мне верить: мы почти не знали друг друга, а мои подписи стояли на документах, из-за которых он потерял бизнес.

— Хорошо, — сказала я. — Давайте разделим то, что я знаю, и то, что предполагаю.

Он посмотрел на мой блокнот.

— Разумное предложение.

Я открыла чистую страницу.

— Тогда начнем с вашего договора.

***

Через сорок минут перед нами лежало несколько документов.

Серов оказался тяжелым собеседником: не повышал голос, не перебивал по пустякам, но задавал вопросы так, что от них невозможно было уклониться.

Если я говорила «кажется», требовал уточнить, откуда это известно.

Если называла дату, просил объяснить, чем она запомнилась.

Когда я путала последовательность событий, спокойно возвращал разговор назад.

Несколько раз мне захотелось послать его к черту.

Особенно после того, как он в третий раз спросил, почему я не проверила одно из платежных поручений.

— Потому что доверяла сотруднику, — ответила я.

— А почему доверяли?

— Он работал со мной три года.

— И это было основанием не проверять платежи на миллионы?

Я положила ручку.

— Андрей Ильич, если вы хотите, чтобы я еще раз призналась в собственной глупости, пожалуйста. Я была глупой. Самоуверенной. Считала, что люди, которых я знаю, не станут воровать деньги у больных детей. Теперь вам легче?

Он посмотрел на меня.

— Нет.

— Тогда что вы хотите услышать?

— Как именно работала система. Не оценку вашего характера.

Я замолчала.

Он придвинул ко мне лист.

— Вот смотрите. Договор подписан вами. Первые четыре миллиона перечислены без задержки. Затем мы сдали следующий этап. Деньги не пришли.

Я наклонилась.

На листе были указаны даты и суммы.

— За первые четыре миллиона я помню платеж, — сказала я. — Его проводили отдельно, потому что нужно было закрыть часть аванса.

— А следующий этап?

— Карцев говорил, что финансирование поступит позже.

— От кого?

— От основного благотворителя.

— Название?

Я назвала компанию.

Серов записал.

— Вы лично встречались с ее представителями?

— Один раз. При подписании соглашения. Потом общался Виктор.

Он поднял глаза.

— Ваш муж?

— Да.

— Какое он вообще имел отношение к фонду?

Я на секунду задумалась.

Это был вопрос, который я когда-то ненавидела.

Потому что не знала, как ответить.

Формально Виктор не руководил фондом, но без него многие благотворители даже не согласились бы разговаривать. Он знакомил меня с нужными людьми, помогал организовывать мероприятия, решал вопросы с помещениями. Я гордилась его поддержкой.

— Он привлекал пожертвования, — сказала я. — Пользовался своими знакомствами.

— Подписывал документы?

— Не от имени фонда.

— Давал сотрудникам указания?

Я хотела автоматически ответить «нет», но вспомнила, как однажды вошла в кабинет Карцева, а он разговаривал с Виктором по телефону.

«Да, Виктор Павлович, сделаем».

Тогда я не придала этому значения.

— Иногда, — сказала я.

Серов приподнял брови.

— Иногда?

— Мне казалось, что это обычные рабочие вопросы.

— А сейчас?

Я посмотрела на него.

— Сейчас мне кажется, что я не замечала слишком многого.

Он не стал комментировать.

Взял другую папку.

— Хотите посмотреть, что произошло с моей компанией?

Я кивнула.

Он повернул ко мне планшет.

На экране появилось старое помещение.

Высокий цех, несколько станков, длинные металлические конструкции. Возле погрузчика стояли рабочие.

— Это наш основной участок, — сказал Серов. — Был.

Он пролистнул фотографии.

На следующей тот же цех выглядел почти пустым.

Потом еще один снимок.

Люди грузили оборудование на автомобиль.

Я смотрела на фотографии.

— Когда это было?

— Зимой девятнадцатого. За несколько месяцев до вашего приговора.

Он отложил планшет.

— У меня работали сорок три человека. Не огромная корпорация, конечно. Но нормальная компания. Своих заказов хватало. Мы ввязались в проект фонда, потому что он был крупным и хорошим по смыслу. И потому что я считал договор надежным.

— Почему?

— У фонда была репутация. За вами стояли известные благотворители. Участие вашего мужа тоже производило впечатление.

Последние слова он произнес без всякого уважения.

— Нам обещали оплату в установленные сроки. Мы закупили материалы, увеличили штат, заключили договоры с поставщиками.

Он снова посмотрел на экран.

— Когда деньги не пришли, я некоторое время закрывал зарплаты из оборотных средств. Потом взял кредит. Потом продавал оборудование.

— А люди?

— Часть уволил. Некоторые сами ушли, когда стало ясно, что работы больше не будет.

Я посмотрела на мужчину, стоявшего на фотографии возле станка.

— Они получили зарплату?

Серов бросил на меня быстрый взгляд.

— В итоге все, что смог закрыть, закрыл. Остальное выплачивал уже после продажи техники.

— Вы сами?

— А кто должен был? Они же работали на меня.

Я опустила глаза.

— Мне жаль.

— Вы уже говорили.

— Я знаю.

Он убрал планшет.

— Самое забавное, Нина Сергеевна, что я тогда даже не верил, будто вы могли сознательно украсть деньги.

Я подняла голову.

— Почему?

— Потому что был на ваших мероприятиях. Видел, как вы работаете. Вы часами разговаривали с родителями, таскали коробки с оборудованием, спорили с врачами из-за планировки помещений. Мне казалось, человеку, который хочет украсть тридцать миллионов, незачем так стараться.

Меня болезненно согрело то, что он помнил меня другой. Дело было не в похвале.

— А потом? — спросила я.

— Потом увидел ваши подписи. Услышал признание. И перестал искать объяснения.

Я медленно кивнула.

Справедливо.

Наверное, на его месте я поступила бы так же.

— У вас были дети? — неожиданно спросила я.

Он нахмурился.

— При чем здесь это?

— Вы говорили, что пришлось все продать. Я подумала, как ваша семья пережила тот год.

— Дочь уже была взрослой. Жила с матерью.

— Вы разведены?

— Да.

Я кивнула.

— Простите. Не мое дело.

Он немного помолчал.

— Развелся я раньше, — сказал он. — В шестнадцатом. Так что на ваш фонд не стану списывать еще и собственный неудачный брак.

Я неожиданно улыбнулась.

Он заметил.

— Что смешного?

— Просто первый человек за последние сутки, который не пытается объяснить мне, что во всех бедах виновата исключительно я.

Серов посмотрел на меня.

И вдруг тоже слегка улыбнулся.

Когда он улыбнулся, ненадолго исчезло тяжелое выражение, с которым он встретил меня. Я заметила, что у него привлекательный рот, и тут же мысленно обозвала себя дурой.

Мне было сорок пять лет. Вчера я вышла из колонии. Сегодня разговаривала с человеком, который мог помочь разобраться в деле.

Разглядывать его рот было совершенно необязательно.

— Так, — сказал Серов, возвращаясь к бумагам. — Давайте без отвлечений.

Я опустила глаза в блокнот.

— Согласна.

***

Около полудня в дверь постучали.

— Андрей Ильич, можно?

В кабинет заглянула та самая девушка из приемной.

— Вам звонит Павел Николаевич. Говорит, срочно.

Серов посмотрел на телефон.

— Передай, перезвоню через десять минут.

— Хорошо.

Она уже собиралась закрыть дверь, но задержалась.

— Вам кофе принести?

Он посмотрел на меня.

— Будете?

— Нет, спасибо.

— Чай?

Я собиралась отказаться, но вдруг поняла, что очень хочу пить.

— Воды, если можно.

— Конечно.

Девушка ушла.

Серов сложил бумаги.

— Давайте сделаем перерыв. Мне нужно ответить на звонок.

Я встала.

— Я могу подождать в коридоре.

— Не надо. Здесь сидите.

Он вышел с телефоном.

Я осталась одна.

В кабинете было удивительно мало личных вещей. На столе не стояли семейные фотографии, на полках — дорогие сувениры, которыми Виктор обожал их заставлять. Книги по инженерному делу, папки, несколько образцов материалов и маленькая деревянная собака — вот и все.

Я встала, подошла к книжному шкафу. Собака была вырезана грубовато: уши слишком большие, лапы разной длины. На боку выжжена дата, но я не успела ее прочитать — открылась дверь.

Серов вернулся, увидел меня возле шкафа.

— Нашли что-нибудь интересное?

— Собаку.

Он подошел.

— Это дочь делала. В школе.

— Красивая.

— Не врите. У нее хвост похож на огурец.

Я рассмеялась.

— Зато характер есть.

Он взял фигурку, повернул в пальцах.

— Полина тогда решила, что станет скульптором.

— А стала?

— Архитектором.

— Почти угадала.

Серов поставил собаку обратно.

Я заметила, что он сделал это осторожно, словно боялся повредить.

Вспомнила своего вязаного зайца.

Интересно, сохранилось ли у Даши хоть что-то из игрушек, которые я покупала ей до ареста?

— Сколько вашей дочери? — спросила я.

— Двадцать шесть.

— Она с вами общается?

Он посмотрел на меня.

— Да.

Я кивнула.

Он задержал взгляд на моем лице.

— У вас с детьми совсем плохо?

Я не ожидала вопроса.

— Сын не хочет разговаривать. Дочь почти не помнит меня.

— Сколько ей?

— Двенадцать.

Серов помолчал.

— Маленькая была, когда вас осудили.

— Пять.

Он медленно кивнул.

Я не хотела, чтобы он продолжал расспрашивать.

Слишком легко было расплакаться, а плакать перед этим мужчиной мне совершенно не хотелось.

— Можно посмотреть остальные документы? — спросила я.

Серов вернулся к столу.

— Можно.

Через минуту принесли воду. Я выпила почти половину стакана и снова взялась за бумаги.

***

Главным препятствием оказалось отсутствие оригиналов.

У Серова сохранились договоры, акты, переписка, платежные документы и претензии. Но часть старого архива находилась у бывшего конкурсного управляющего ликвидированной компании, часть — в коробках, которые так и не разобрали после закрытия офиса.

Он не обещал найти все.

Зато показал переписку, которой я никогда не видела.

Письма Карцеву, ответы финансового отдела, уведомления о переносе платежей. Я читала их, пытаясь вспомнить, почему мне не докладывали о растущем долге.

— Здесь написано, что вы связывались со мной лично, — сказала я.

Серов наклонился.

— Где?

Я показала строку.

«Вопрос урегулирован с Н. С. Баженовой».

Он усмехнулся.

— Это мне Карцев написал.

— Я не помню такого разговора.

— Я с вами действительно говорил. Один раз.

Я подняла голову.

— Когда?

— На открытии нового помещения центра. Вы тогда выступали с речью. Я подошел после мероприятия, спросил, когда закроют задолженность.

Я попыталась вспомнить открытие. Много людей: журналисты, родители, сотрудники. Виктор приехал с опозданием, потом долго разговаривал с одним из благотворителей. Ко мне действительно подходил высокий мужчина в темном пальто. Кажется, это был Серов.

— Я сказала, что платежи проверит финансовый директор?

— Примерно.

Я закрыла глаза.

Вспомнила отдельные слова.

«Андрей Ильич, я уточню».

«Мы уже два месяца ждем».

«Я обязательно разберусь».

Обычный разговор, который мог произойти на любом мероприятии.

— Я обещала вам проверить, — сказала я.

— Да.

— И не проверила.

Серов молчал.

— Простите.

Он посмотрел на меня.

— За это извинение я принимаю.

Я почувствовала, что щеки стали горячими.

Почему-то его спокойный ответ оказался тяжелее любого обвинения.

Я открыла блокнот.

— Мне нужен весь список ваших обращений. Хотя бы даты.

— Для чего?

— Хочу восстановить, что происходило в фонде. Если я обещала проверить и не проверила, значит, кто-то должен был ответить на мое поручение. Или такого поручения вообще не было.

— Вы подозреваете Карцева?

— Я знаю, что он занимался финансами. И что на суде дал показания, которые помогли обвинению.

Серов нахмурился.

— Карцев в деле проходил свидетелем?

— Да.

— А вы руководили фондом и получили семь лет?

— Именно.

Он задумчиво провел пальцами по подбородку.

— Любопытно.

— Мне тогда было не до любопытства.

— Представляю.

Я посмотрела на него.

Он произнес это без насмешки. Впервые мне показалось, что он пытается представить, каково оказаться в центре собственной катастрофы и ничего не понимать. Дело было не в моей жизни в колонии.

— Я не собираюсь просить вас меня оправдывать, — сказала я. — Но если мы найдем документы, которые противоречат материалам дела, их должен посмотреть независимый адвокат.

— У вас есть адвокат?

— Пока нет.

Он приподнял брови.

— Вы вчера вышли из колонии и сегодня начали собственное расследование?

— А вы считаете, мне нужно было еще немного отдохнуть?

— Я считаю, вам нужен юрист.

— Я тоже.

Он повернулся к компьютеру.

— У меня есть знакомый адвокат. Занимается экономическими делами.

— Мужчина или женщина?

Серов посмотрел на меня.

— Какая разница?

— Никакой. Просто спрашиваю.

— Мужчина.

Я покачала головой.

— Спасибо, но я сама выберу.

— Почему?

Я посмотрела на него.

— Потому что в прошлый раз моего адвоката выбрал муж.

Серов медленно откинулся в кресле.

— Понятно.

— Я не хочу снова зависеть от человека, которого привел кто-то другой. Даже если вы действуете из лучших побуждений.

Он кивнул.

— Разумно.

Я ожидала возражений и немного растерялась, когда их не последовало.

— У вас есть кто-то на примете? — спросил он.

— Оксана нашла контакты нескольких специалистов. Я сегодня вечером позвоню.

— Только не выбирайте по красивому сайту.

— Постараюсь.

Он чуть заметно улыбнулся.

— И обещаниям стопроцентного результата не верьте.

Я посмотрела на него.

— Этому меня уже научили.

***

Около часа дня Серов решил заказать обед. Не спросив, собираюсь ли я есть, позвонил в приемную и сообщил, что нам понадобится обед из соседнего кафе.

Я возмутилась.

— Андрей Ильич, мне не нужно...

— Я себе заказываю. Вы хотите есть?

Я открыла рот, потом закрыла. Есть хотелось: с утра выпила кофе и съела половину бутерброда, теперь желудок настойчиво напоминал о себе.

— Хочу, — призналась я.

— Тогда выбирайте.

Он подвинул телефон с меню.

Я выбрала курицу с овощами.

Серов заказал себе мясо и суп.

— У вас всегда так? — спросила я, когда он закончил.

— Как?

— Обедаете прямо в кабинете?

— Когда много работы.

— Это вредно.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Вы серьезно сейчас собираетесь читать мне лекцию о здоровом образе жизни?

— Нет. Просто говорю.

— А сами когда последний раз нормально обедали?

Я не ответила.

Он усмехнулся.

— Вот и договорились.

Я невольно улыбнулась.

На несколько секунд мы стали обычными мужчиной и женщиной, которые спорят из-за обеда, не вспоминая о суде, долгах и испорченных годах. Странно: семь лет назад я бы не заметила такую мелочь, а теперь почувствовала себя почти счастливой. И тут же устыдилась. Разве можно было радоваться обеду, когда я даже не знала, захочет ли дочь еще раз меня увидеть?

Я отвернулась к окну.

Серов заметил перемену.

— Что-то не так?

— Нет.

— Нина Сергеевна.

Я повернулась.

— Что?

— Если вы устали, можем закончить.

— Я не устала.

Он некоторое время смотрел на меня.

— Хорошо.

Больше не спрашивал.

За это я была ему благодарна.

***

Еду принесли в бумажных коробках.

Мы освободили часть стола и устроились друг напротив друга.

Серов ел быстро, почти не отвлекаясь.

Я пыталась не смотреть на его руки. Дело было не в их особенной красоте: давно не сидела так близко с мужчиной, который не был сотрудником учреждения, адвокатом или чужим родственником. Его присутствие напоминало, что я женщина. Не бывшая заключенная, не мать, которой не доверяют собственные дети, не фамилия в приговоре — обычная женщина напротив привлекательного мужчины.

Я рассердилась на себя.

— Что? — спросил Серов.

Я подняла голову.

— Ничего.

— Вы уже третий раз так смотрите, будто хотите меня ударить.

Я едва не подавилась.

— У вас богатое воображение.

— У меня наблюдательность.

— Тогда должны были заметить, что я просто задумалась.

Он усмехнулся.

— Хорошо. О чем?

Я подцепила вилкой кусочек курицы.

— О том, что вы ужасно неприятный собеседник.

Серов замер, а потом неожиданно громко рассмеялся. Мне тоже захотелось улыбнуться.

— А вы, значит, приятная? — спросил он.

— Я хотя бы стараюсь.

— Не заметил.

— Потому что наблюдательность у вас переоцененная.

Он покачал головой.

— С вами, Нина Сергеевна, оказывается, довольно трудно.

— Это вы еще со мной мало знакомы.

Слова вырвались сами.

Я почувствовала, что смутилась.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Не сомневаюсь.

Мы продолжили есть.

Я старалась не думать о том, что впервые за семь лет разговаривала с мужчиной, не подбирая каждое слово. Он все еще считал меня причастной к своему разорению, и все же спорить

с ним почему-то было легче, чем с людьми, заранее обещавшими понять и простить. Серов ничего не обещал — в этом была странная честность.

***

После обеда мы вернулись к документам.

Серов принес из соседнего кабинета еще одну коробку, поставил на стол и снял крышку. Внутри лежали старые папки с наклейками, несколько флешек и пачки писем.

— Это часть того, что удалось сохранить после ликвидации, — объяснил он. — Разбирал недавно, когда освобождал склад.

— Зачем хранили?

Он посмотрел на меня.

— А вы бы выбросили?

Я покачала головой.

— Нет.

— Вот и я не выбросил.

Мы начали просматривать папки.

Большинство документов — договоры, сметы, акты — я видела раньше. Но среди них встречались письма с пометками от руки.

В одном Карцев обещал перевести деньги до конца месяца.

В другом просил предоставить дополнительные подтверждения выполненных работ.

Потом нашлось уведомление о проведении внутренней проверки.

Я прочитала его и нахмурилась.

— Это что?

Серов наклонился.

— Где?

— Вот здесь. Проверка качества работ.

Он посмотрел.

— А, это.

— Были претензии?

— На бумаге.

Я подняла глаза.

— Что значит «на бумаге»?

— Карцев утверждал, что работы выполнены с нарушениями. Прислал уведомление. Мы направили возражения, предложили провести совместный осмотр.

— И?

— Никто не приехал.

Я перечитала документ.

Он был составлен на бланке фонда.

Подпись Карцева, печать. Дата — четырнадцатое сентября две тысячи восемнадцатого года.

— А мне почему об этом не докладывали? — тихо спросила я.

Серов пожал плечами.

— Откуда я знаю?

Я достала свою папку.

— Подождите.

Он наблюдал, как я перелистываю документы.

Нашла нужную страницу.

В материалах дела фигурировало распоряжение руководителя фонда о приостановлении платежей подрядчику.

Распоряжение было подписано мной.

Я помнила, как впервые увидела этот документ во время следствия. Мне показали целую стопку бумаг. Следователь спросил, мои ли подписи, и я ответила, что похожи. Потом Виктор объяснил: нет смысла спорить из-за отдельных документов, если я уже согласилась признать общую вину. Я перестала спорить.

Теперь распоряжение лежало передо мной.

Я прочитала его внимательно.

В нем говорилось, что оплата оставшейся суммы по договору с «Гранит-Проект» приостанавливается до завершения проверки качества работ.

Основанием указывался акт внутренней комиссии.

Серов посмотрел на документ.

— Я это видел в деле.

— Знаю.

— И что?

Я прочитала дату распоряжения.

Четырнадцатое сентября. Уведомление Карцева — тоже от четырнадцатого. Пока ничего необычного.

— А где сам акт комиссии? — спросила я.

Серов нахмурился.

— Какой?

— На основании которого якобы приостановили платежи.

Он достал еще одну папку.

— Кажется, здесь.

Несколько минут мы перебирали бумаги.

Наконец он нашел копию акта.

Я взяла копию и прочитала обе страницы.

В документе перечислялись нарушения, которые якобы обнаружила комиссия фонда. Неправильная установка оборудования, расхождения со сметой, замечания к качеству отдельных работ.

Я помнила этот объект.

Там действительно были мелкие недочеты.

Но ничего такого, что оправдывало бы отказ от выплаты десяти миллионов.

На последней странице стояла дата.

Двадцать седьмое сентября две тысячи восемнадцатого года.

Я сверила ее с датой распоряжения и снова посмотрела на акт.

— Андрей Ильич.

Он поднял голову.

— Что?

— Посмотрите даты.

— Какие?

Я положила два листа рядом.

— Распоряжение от четырнадцатого сентября. В нем написано, что платежи приостановлены на основании акта проверки.

— Да.

— А сам акт датирован двадцать седьмым сентября.

Серов молча взял оба документа, перечитал, затем перевернул акт и внимательно изучил подписи и печать.

— Может, проверка началась раньше, — сказал он.

— Может. Но в распоряжении указан именно этот акт. С номером и датой.

Он снова посмотрел на лист.

— Черт.

Я почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— Вы понимаете?

— Понимаю, что даты не сходятся. Но пока это может быть ошибкой делопроизводителя.

— А если нет?

Он не ответил.

Я взяла распоряжение.

Внизу стояло несколько букв, быстрый росчерк — так выглядела моя подпись. Я долго смотрела на нее.

— Вы уверены, что это ваша подпись? — спросил Серов.

Я перевернула лист к свету.

— Очень похожа.

— Похожа или ваша?

— Не знаю.

Он нахмурился.

— Вы руководитель фонда. Должны были помнить, что подписывали.

Я резко подняла голову.

— Я семь лет пыталась вспомнить каждую бумагу, которую мне приносили. Каждый день. Каждое распоряжение. Вы представляете, сколько документов проходило через мой стол?

— Представляю.

— Тогда не требуйте от меня невозможного.

Он помолчал.

— Хорошо.

Я снова посмотрела на подпись.

Я помнила рабочее место, папки, которые Карцев складывал справа от клавиатуры. Как Виктор заходил в кабинет, приносил кофе, спрашивал, когда я освобожусь. Но самого распоряжения не помнила и не могла сказать, подписывала ли его. Это пугало: если подпись настоящая, предстояло объяснять не только чужое преступление, но и собственную халатность.

— Мне нужна копия, — сказала я.

Серов посмотрел на меня.

— Этого?

— Обоих документов.

— Зачем?

— Покажу адвокату.

Он кивнул.

— Правильно.

Я медленно выдохнула.

На этот раз он не стал спорить.

***

Мы просидели еще почти час, проверили, где встречаются те же номера документов, нашли несколько писем с упоминанием внутренней проверки.

Серов объяснил, что его компания пыталась добиться повторного осмотра объекта. Фонд так и не организовал его.

Я делала записи, он фотографировал отдельные страницы, чтобы позже найти оригиналы.

В какой-то момент за окном стало темнее.

Я посмотрела на часы.

Половина четвертого.

— Мне пора, — сказала я.

Серов удивился.

— Уже?

— Я заняла у вас почти пять часов.

— Я заметил.

Я начала складывать бумаги.

— Спасибо, что согласились встретиться.

Он не ответил сразу.

Потом сказал:

— Нина Сергеевна, я пока ничего вам не обещаю.

— И не надо.

— Эти документы не доказывают, что деньги украл ваш муж.

— Я знаю.

— Даже если распоряжение составили неправильно, это еще не означает, что вы не участвовали в хищении.

Я застегнула сумку.

— Я понимаю.

Он посмотрел на меня.

— Вы слишком спокойно это говорите.

Я подняла голову.

— А что мне делать? Плакать? Кричать, что вы обязаны мне поверить?

Серов промолчал.

— Я семь лет просила людей проверить то, о чем говорю. Иногда получала ответы, иногда нет. Сейчас вы впервые дали мне документы, которых я раньше не видела. Для меня это уже много.

Он медленно кивнул.

Я встала.

— Если найдете оригиналы, сообщите, пожалуйста.

Серов тоже поднялся.

— Давайте сначала определимся, что именно собираемся делать.

Я остановилась.

— В каком смысле?

— Вы хотите проверить старые документы. Мне тоже интересно понять, кто распоряжался деньгами. Но если мы начнем обмениваться материалами, должны быть правила.

Я посмотрела на него.

— Какие?

Он обошел стол и прислонился к его краю.

— Во-первых, все серьезные документы передаем через вашего адвоката. Не хочу потом выяснять, кто что потерял или неправильно понял.

— Согласна.

— Во-вторых, никто не подделывает, не исправляет и не уничтожает старые материалы.

Я нахмурилась.

— Вы считаете, мне нужно об этом напоминать?

— Я считаю, что лучше договориться сразу.

— Хорошо.

Он продолжил:

— В-третьих, если появятся сведения, которые необходимо передать следствию, передаем официально. Без самодеятельности.

— Да.

Я помолчала.

Потом сказала:

— И у меня есть условие.

Серов приподнял брови.

— Слушаю.

— Прежде чем мы добровольно передадим что-то журналистам или станем публично рассказывать о деле, я должна успеть поговорить с детьми.

Он посмотрел на меня.

— Объясните.

Я крепче сжала ремень сумки.

— Сын уверен, что я украла деньги. Дочь почти не помнит меня. Я не хочу, чтобы они опять узнавали о нашей семье из новостей.

Серов задумался.

— А если информация уже станет известна?

— Я не прошу вас контролировать всех журналистов. И не прошу скрывать доказательства от следствия. Только предупреждать меня заранее, если публичное выступление будет зависеть от нашего решения.

— Сколько времени вам нужно?

Я вспомнила Кирилла.

Его голос возле калитки.

Потом Дашу.

— Сорок восемь часов.

Серов повторил:

— Двое суток?

— Да.

— А если от этого будет зависеть моя работа?

— Я не прошу вас жертвовать компанией. Просто не принимать решение за моей спиной.

Он смотрел на меня довольно долго.

— Сорок восемь часов с момента, когда вы узнаете о конкретной публикации или выступлении, — уточнил он.

— Да.

— Официальные обращения к этому не относятся.

— Конечно.

Он протянул руку.

— Договорились.

Я посмотрела на его ладонь. Пожатие получилось крепким, но коротким; кожа у него была теплая. Я отпустила руку первой.

— И еще, — сказал Серов.

— Что?

— Не надо приходить ко мне завтра с новыми воспоминаниями, которые внезапно все объясняют.

Я почувствовала раздражение.

— А вы не надо разговаривать со мной так, словно я пытаюсь вам продать подержанную машину.

Он усмехнулся.

— Опять ругаетесь.

— Вы сами начали.

— Ладно. Будем считать, что мы друг друга поняли.

Я направилась к двери.

Но возле выхода остановилась.

— Андрей Ильич.

— Да?

— Можно личный вопрос?

Он скрестил руки на груди.

— Попробуйте.

— Вы по-прежнему считаете, что я украла деньги?

Он не отвел взгляда.

— Я считаю, что вы знаете больше, чем рассказали следствию.

Я кивнула.

Это было правдой.

— А еще? — спросила я.

Он помолчал.

— А еще я хочу понять, почему вы пришли именно ко мне, если могли спокойно уехать в другой город и начать жизнь заново.

Я улыбнулась.

— Потому что спокойно начать жизнь заново мне не дают собственные дети.

Он ничего не ответил.

Я вышла.

***

На улице шел мелкий дождь.

Я стояла под козырьком и пыталась вызвать такси.

Старый телефон, который дала мне Оксана, работал исправно, но приложение требовало подтвердить номер, затем выбрать способ оплаты и почему-то не принимало адрес.

Я раздраженно нажимала на экран.

Вокруг спешили люди.

По мокрой брусчатке проехала машина.

Я отошла ближе к стене.

— Проблемы?

Я подняла голову.

Серов стоял на верхней ступеньке крыльца.

На нем была темная куртка. В руке ключи от машины.

— Никаких, — ответила я.

Он посмотрел на телефон.

— Вижу.

Я убрала аппарат.

— Спасибо за заботу, но добраться до дома я смогу.

— Я и не сомневался.

Он спустился на ступеньку ниже.

— Куда вам?

— На Автозавод.

— Далеко.

— В курсе.

Он посмотрел на дождь.

— Я еду в ту сторону. Могу подвезти.

Я замерла. Семь лет назад села бы в чужую машину без особых раздумий. Теперь сама мысль о закрытом пространстве с человеком, которого почти не знала, вызывала неприятное напряжение.

Серов заметил мое выражение.

— Не хотите — не надо.

Я посмотрела на него.

— Не хочу.

— Хорошо.

Он кивнул и направился к парковке.

Ни уговоров, ни обиженного «я же помочь хотел». Я неожиданно почувствовала облегчение.

Потом снова взялась за телефон.

Через пару минут наконец удалось вызвать машину.

Когда такси подъехало, я заметила, что Серов еще стоит возле своего автомобиля.

Он разговаривал по телефону.

Увидев, что я села, коротко кивнул.

Я кивнула в ответ.

Водитель спросил:

— Куда едем?

Я назвала адрес Оксаны.

Машина тронулась.

Я достала блокнот.

На первой странице были ночные вопросы. Почти на все удалось получить ответы, но теперь вопросов стало вдвое больше.

***

Оксана встретила меня прямо в мастерской.

Я приехала туда, потому что дома одной сидеть не хотелось.

Она стояла возле огромного принтера и спорила с Максимом.

— Я тебе объясняю: клиент просил матовую бумагу!

— Он сказал, что без разницы!

— Для него без разницы. Для меня нет!

Увидев меня, Оксана махнула рукой.

— Нина! Иди сюда, спасай.

Я подошла.

На столе лежала стопка рекламных листовок.

— Что случилось?

— Надо проверить макет. Этот художник опять сдвинул телефон так, что последняя цифра почти за обрезом.

Я посмотрела на лист.

Действительно, номер стоял слишком близко к краю.

— Можно уменьшить шрифт, — сказала я. — И немного поднять блок.

Максим повернулся ко мне.

— Да я так и предлагал!

Оксана возмутилась.

— Ты предлагал вообще убрать номер с лицевой стороны!

— Потому что там мало места!

Я неожиданно рассмеялась.

Оба посмотрели на меня.

— Что? — спросила Оксана.

— Ничего. Вы очень красиво ругаетесь.

Она махнула рукой.

— Привыкай. У нас тут каждый день высокие отношения.

Максим улыбнулся.

Я поправила стопку листовок. Хотелось остаться, проверить макет, позвонить заказчику, посчитать тираж — сделать что-нибудь обычное и получить результат, который не зависел бы от решения суда. Я не искала способа отвлечься от прошлого.

— Оксан, — сказала я. — А можно я завтра выйду к тебе на работу?

Она перестала улыбаться.

— Конечно.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Мне не нужна большая зарплата. Пока хотя бы на заказах посижу.

— Нин, мы же об этом говорили.

— Говорили. Но я хочу договориться нормально.

Оксана внимательно посмотрела на меня.

— Хорошо. Завтра в девять. Ставка небольшая, пока будешь разбираться с программами. Оформим все как положено.

Я кивнула.

— Спасибо.

— Не благодари раньше времени. У нас клиенты иногда страшнее следователей.

Максим кашлянул, скрывая смех.

Оксана продолжила:

— А сейчас идем пить чай. Расскажешь, как встретилась с этим своим Серовым.

— Не моим.

— Пока.

Я посмотрела на нее.

— Оксана!

— Что? Опять о сотрудничестве.

Я покачала головой.

Но улыбку скрыть не смогла.

***

Вечером мы сидели на кухне.

Я разложила перед Оксаной копии документов.

Она внимательно выслушала мой рассказ, несколько раз переспросила даты, потом положила листы рядом.

— Подожди. Это распоряжение от четырнадцатого?

— Да.

— А акт от двадцать седьмого?

— Да.

— То есть он ссылается на бумагу, которой еще не было?

— Получается.

Оксана нахмурилась.

— И никто этого не заметил?

— Не знаю.

— Как такое возможно?

Я посмотрела на документы.

— Возможно, у распоряжения неправильная дата. Возможно, акт оформили позже, а номер присвоили заранее. Или кто-то составлял бумаги задним числом.

— А что говорит этот Серов?

— Что рано делать выводы.

Оксана раздраженно фыркнула.

— Конечно. Мужчины обожают говорить, что рано делать выводы, когда не им семь лет сидеть.

Я вздохнула.

— Оксан, он тоже пострадал.

— Я понимаю. Но мог бы разговаривать с тобой помягче.

Я вспомнила тяжелый взгляд, резкие вопросы, его спокойное: «За это извинение я принимаю».

— Он не обязан, — сказала я.

Оксана посмотрела на меня.

— Ты его защищаешь?

— Нет. Просто пытаюсь быть справедливой.

Она неожиданно улыбнулась.

— Ну ладно.

— Что «ну ладно»?

— Ничего.

Я прищурилась.

— Ты опять начинаешь?

— Нина, я вообще молчу.

Она сделала глоток чая.

— Так что с адвокатом?

Я достала телефон.

— Нашла несколько специалистов. Один занимается пересмотром уголовных дел, но мне не понравилось, как он разговаривал. Сразу пообещал, что все решит.

Оксана закатила глаза.

— Это мы уже проходили.

— Поэтому я записалась к другой.

— К кому?

— Мария Олеговна Круглова. Стаж большой, занимается экономическими преступлениями. Я ей позвонила после встречи с Серовым. Она не обещала результата. Сказала принести приговор, мои старые обращения и все, что есть по новым документам.

— Когда встреча?

— Послезавтра.

Оксана кивнула.

— Хорошо.

Я убрала телефон.

— Она предупредила, что пересмотр может занять много времени. И что одного расхождения в датах недостаточно.

— Это понятно.

— Сказала, сначала надо изучить дело, чтобы решить, какие материалы действительно имеют значение.

Оксана посмотрела на меня.

— Ты деньги на нее найдешь?

Я опустила глаза.

В конверте Виктора осталось чуть меньше сорока тысяч.

Часть я потратила на одежду, связь и дорогу.

Еще предстояло купить лекарства и кое-что из необходимых вещей.

— На первую консультацию хватит, — ответила я.

— А потом?

— Буду работать.

Оксана открыла рот.

Я подняла руку.

— Нет.

— Я еще ничего не сказала!

— А я уже знаю что.

Она раздраженно выдохнула.

— Нина, когда-нибудь ты научишься принимать помощь без драки?

Я посмотрела на нее.

— Постараюсь.

— Вот и постарайся.

Мы помолчали.

Потом Оксана убрала со стола чашки.

— А теперь расскажи мне другое.

— Что?

— Как Кирилл выглядел?

Я опустила взгляд.

— Взрослый.

— Это я понимаю.

— Высокий. На Виктора похож.

— А на тебя?

Я улыбнулась.

— Глаза мои.

Оксана кивнула.

— Помню, у него всегда были твои глаза.

Я вздохнула.

— Он не хочет со мной разговаривать.

— Пока.

— Ты все время говоришь «пока».

— Потому что это правда.

Я покачала головой.

— Ты не знаешь.

— Не знаю. Но ты ведь не собираешься сдаваться после одного разговора?

Я посмотрела на нее.

— Нет.

— Вот и хорошо.

Она встала и пошла к раковине.

Я сидела за столом, смотрела на собственные руки. Вчера казалось, что самое трудное — выйти за ворота. Сегодня это было уже самой простой частью.

***

Перед сном я снова открыла документы.

На этот раз не для того, чтобы искать подписи.

Хотела восстановить последовательность событий.

Четырнадцатое сентября. Двадцать седьмое. Тринадцать дней между ними.

Я взяла блокнот.

На чистой странице написала:

«Почему распоряжение ссылается на акт, составленный позже?»

Потом добавила:

«Кто готовил оба документа?»

И еще:

«Где оригиналы?»

Я собиралась закрыть блокнот, но вдруг вспомнила один разговор.

За несколько месяцев до ареста Карцев пришел ко мне в кабинет с большой папкой.

Я тогда собиралась ехать за Дашей в садик.

Он попросил подписать срочные документы.

Я ответила, что посмотрю утром.

Карцев сказал:

«Виктор Павлович просил не задерживать».

Я помнила эти слова.

Очень хорошо.

Потому что тогда рассердилась.

— Виктор не руководит фондом, — ответила я.

Карцев растерялся.

Потом объяснил, что речь идет о благотворителях, которые ждут подтверждения расходов.

Я подписала часть бумаг.

Остальные оставила на завтра.

Сейчас я не могла вспомнить, какие именно документы тогда лежали в папке.

Но впервые подумала о другом.

Откуда Карцев знал, что Виктор будет недоволен задержкой платежей?

Если мой муж всего лишь помогал привлекать благотворителей, финансовый директор не должен был отчитываться перед ним.

Я потянулась к телефону — хотелось позвонить Серову. Но было почти одиннадцать вечера, он наверняка уже дома. Я остановилась.

Я записала мысль в блокнот.

Потом еще раз посмотрела на распоряжение от четырнадцатого сентября.

На нем стояла моя подпись.

Если настоящая, я обязана была объяснить, почему подписала документ.

Если поддельная, нужно было выяснить, кто получил возможность ее воспроизвести.

Но главное заключалось не в этом.

Я перевернула страницу и еще раз прочитала название акта, на который ссылалось распоряжение.

Номер совпадал.

Дата тоже была указана совершенно определенно.

Двадцать седьмое сентября.

Я достала фотографию из своего старого дела, ту, на которой следователь отмечал использованные доказательства.

Рядом с этим распоряжением стояла пометка:

«Подтверждает осведомленность Баженовой Н. С. о наличии задолженности и сознательное уклонение от ее погашения».

Семь лет назад я прочитала эту фразу и не стала спорить: к тому моменту уже согласилась признать себя виновной.

А сейчас впервые поняла, что все могло происходить иначе.

Кто-то составил распоряжение от моего имени. Кто-то сослался в нем на более поздний акт. Кто-то передал эти бумаги следствию. Именно они помогли убедить суд, что я сознательно распоряжалась чужими деньгами.

Я медленно положила лист на стол.

Мне предстояло еще доказать, что за этим расхождением стояло не простое нарушение оформления документов.

Теперь у меня был вопрос, на который можно искать конкретный ответ, и человек, у которого могли сохраниться нужные бумаги.

Впервые за семь лет мне не хотелось перечитывать собственный приговор.

Мне хотелось увидеть оригинал документа.

Того самого, который был подписан моим именем за тринадцать дней до появления указанного в нем основания.

Глава 3. Мама по расписанию

В первый рабочий день я перепутала два заказа, неправильно посчитала стоимость тиража и случайно отправила на печать пятьдесят экземпляров листовки вместо пяти.

Оксана обнаружила ошибку, когда принтер уже выплюнул последнюю страницу.

— Нина, — сказала она, держа в руках стопку бумаги. — Ты решила разорить меня за один день?

Я посмотрела на листовки.

На каждой была нарисована толстая улыбающаяся корова и написано: «Домашнее молоко с доставкой».

— Могу раздать соседям, — предложила я.

— Зачем?

— Вдруг кто-нибудь молоко захочет.

Оксана посмотрела на меня, потом на корову.

— Ладно. Считай, что научилась делать рекламные акции.

Она отложила испорченный тираж и показала, где я ошиблась в настройках.

Я слушала внимательно, стараясь запомнить каждое движение мышки.

Компьютеры за семь лет изменились не так сильно, как мне сначала казалось. Но программы стали другими, заказы теперь приходили через сайт, клиенты присылали макеты в мессенджерах, а половина оплаты проходила по каким-то ссылкам.

Раньше я управляла благотворительным фондом с несколькими десятками сотрудников, теперь училась печатать листовки с коровами. И почему-то мне нравилось.

Когда очередной заказ получилось оформить без посторонней помощи, я испытала такое удовольствие, словно выиграла небольшой конкурс.

— Оксан, получилось.

Подруга выглянула из соседней комнаты.

— Что?

— Сто визиток. Макет проверила, стоимость рассчитала, заказ записала.

Она подошла, посмотрела на экран.

— Все правильно.

Я улыбнулась.

— Видишь.

— Еще бы. Высшее образование все-таки не зря получала.

— И семь лет практики с документами.

Оксана поморщилась.

— Нина.

— Что?

— Можно хотя бы сегодня без тюремных шуток?

Я повернулась к ней.

— Почему?

Она замялась.

— Не знаю. Мне неприятно.

— А мне иногда смешно.

Оксана некоторое время смотрела на меня, потом кивнула.

— Ладно. Шути. Только предупреждай, когда надо смеяться.

Я рассмеялась.

Она тоже улыбнулась и вернулась к своим делам.

Я осталась за столом с бланками заказов, образцами бумаги и блокнотом, куда записывала инструкции. На стене висел календарь, за окном прохожие спешили по своим делам. Обычный рабочий день.

В девять сорок пришла женщина, которой требовалось распечатать документы для суда. Она долго объясняла, что не знает, как переслать файл с телефона.

Я помогла ей.

Пока принтер печатал страницы, женщина тяжело вздохнула.

— Третий месяц с бывшим мужем имущество делим. Думала, разведемся и успокоимся. Ага, сейчас.

Я невольно подняла на нее глаза.

— Он не хочет договариваться?

— Да он вообще ничего не хочет, кроме как нервы мне мотать.

Она открыла сумку, достала кошелек.

— Двадцать восемь лет прожили. Представляете? А теперь за холодильник судимся.

Я протянула ей документы.

— Надеюсь, вы договоритесь.

— Да уж. Спасибо, милая.

Женщина ушла.

Я некоторое время смотрела на дверь. Двадцать восемь лет — и спор о холодильнике. Когда-то я бы решила, что это ужасно мелочно: взрослые люди столько прожили вместе, а судятся о бытовой технике. Теперь понимала: иногда дело вовсе не в холодильнике. После долгой жизни с человеком невыносимо соглашаться, что он может забрать последнее слово, последнюю вещь, последнее решение.

Я открыла следующий заказ.

В этот момент зазвонил телефон.

На экране высветилось имя Кирилла.

Я замерла.

Вчера я сохранила его номер в телефоне и написала короткое сообщение:

«Кирилл, это мой новый номер. Я понимаю, что тебе нужно время. Давай договоримся о встрече с Дашей в спокойном месте. Я не хочу ее пугать. Мама».

Ответа не было.

До этого момента.

Я схватила телефон.

— Алло!

— Мам?

Голос Кирилла звучал осторожно.

— Да, сынок.

— Ты сейчас можешь говорить?

Я посмотрела на часы.

— Конечно.

— Я по поводу Даши.

Сердце забилось быстрее.

— Слушаю.

— Лена с ней поговорила.

Я сжала телефон.

— И что она сказала?

— Даша согласна встретиться.

Мне пришлось ухватиться за край стола.

— Когда?

— Завтра. После занятий. В половине пятого.

— Где?

Он назвал небольшое кафе возле художественной школы.

— Она там иногда с подружками сидит. Место знакомое. Лена ее привезет.

— Хорошо.

— Только, мам...

Я закрыла глаза. Сейчас начнутся условия. Не говори о прошлом, не рассказывай про отца, не расстраивай девочку, не пытайся занять место Елены. Я уже знала, что могу услышать.

Но Кирилл сказал другое:

— Не покупай ей ничего дорогого.

Я открыла глаза.

— Почему?

— Она из-за этого нервничает.

— Из-за подарков?

— Она вчера спросила Лену, надо ли ей будет что-то брать у тебя. Не хочет, чтобы ты обиделась, если подарок не понравится.

Я медленно опустилась на стул. Двенадцатилетняя девочка беспокоилась о чувствах почти незнакомой женщины — собственной матери.

— Я не обижусь, — сказала я.

— Ты ей сама объясни.

— Объясню.

Кирилл помолчал.

— Лена будет неподалеку. Даша так попросила.

Елена. Опять Елена. Это больно кольнуло, но я заставила себя ответить спокойно:

— Конечно.

— И встреча ненадолго. Минут сорок.

— Хорошо.

— Если она захочет уйти раньше...

— Кирилл, — перебила я. — Я не стану ее удерживать.

Он замолчал.

Я тоже.

В мастерской зашумел принтер.

Кто-то открыл входную дверь и поздоровался с Максимом.

Наконец Кирилл произнес:

— Ладно. Тогда завтра.

— Спасибо, сынок.

— Пока, мам.

Связь оборвалась.

Я еще держала телефон возле уха, потом медленно положила его на стол. Завтра я увижу Дашу. Она сядет напротив меня, и у нас будет сорок минут — вместо мимолетного взгляда у крыльца, через калитку.

До встречи оставалось больше суток. Я посмотрела на часы и вдруг испугалась.

***

— Ты чего такая? — спросила Оксана, появившись возле моего стола.

Я подняла глаза.

— Кирилл звонил.

Она остановилась.

— Что случилось?

— Завтра встречаюсь с Дашей.

Оксана несколько секунд смотрела на меня, потом расплылась в улыбке.

— Нинка!

Она подошла и обняла меня.

Я уткнулась лбом ей в плечо.

— Сорок минут, — сказала я.

— Отлично.

— Елена будет рядом.

— Пусть будет.

— Я не знаю, о чем с ней разговаривать.

Оксана отступила.

— В смысле?

— В прямом. Я не знаю, что она любит. Какая музыка ей нравится. С кем дружит. Что читает.

— Спросишь.

— А если она не захочет отвечать?

Подруга задумалась.

— Тогда расскажешь о себе.

Я невольно усмехнулась.

— О семи годах в колонии?

— Нина, у тебя была жизнь и до этого.

Я опустила глаза.

— Была.

Оксана присела на край стола.

— Ты умеешь готовить, любишь кино, терпеть не можешь вареную морковь и всегда разговаривала с продавцами так, будто знакома с ними сто лет. Можешь рассказать ей что-нибудь обычное.

Я покачала головой.

— Она не обязана этим интересоваться.

— Конечно. Но ты ведь тоже не обязана угадывать каждое ее желание.

Я посмотрела на подругу.

— Она маленькая.

— Ей двенадцать. Она уже многое понимает.

— Я помню ее пятилетней.

Оксана вздохнула.

— Вот это, наверное, самое трудное.

Я кивнула.

Несколько секунд мы молчали.

Потом спросила:

— У тебя есть фотографии Даши? Кроме той, что ты показывала.

— Есть несколько. Сейчас найду.

Оксана достала телефон и через минуту показала снимки: на одном Даша стояла возле мольберта, на другом — в зимней куртке на фоне снежного парка, на третьем — с длинными волосами и большим альбомом в руках.

Я смотрела на фотографии так жадно, что у меня заболели глаза.

— Можно мне их переслать?

— Конечно.

— Все.

— Все, Нин.

Оксана быстро отправила снимки на мой телефон.

Я открыла первый.

Даша улыбалась.

На щеке была синяя полоска краски.

Я провела пальцем по экрану.

— Она любит рисовать, — сказала я.

— Очень.

— Значит, можно что-нибудь купить для рисования.

Оксана покачала головой.

— Кирилл же просил без дорогих подарков.

— Я не дорогой. Просто хорошие карандаши.

— Может, сначала узнаешь, какие ей нужны?

Я посмотрела на нее.

— А если она подумает, что я пришла с пустыми руками?

— Нин, она идет знакомиться с тобой. Не с твоим кошельком.

Я медленно кивнула.

Подруга была права.

Но мне так хотелось хоть что-нибудь принести дочери.

За семь лет я пропустила семь ее дней рождения, семь Новых годов, семь первых сентября. И сотни обычных дней, когда можно было просто зайти в магазин и купить ребенку маленькую вещь, которая его обрадует.

Я готова была отдать последние деньги, лишь бы увидеть ее улыбку.

— Куплю открытку, — решила я.

Оксана удивилась.

— Зачем?

— Красивую. С рисунком. Напишу, что рада встрече.

Она задумалась.

— Это, пожалуй, можно.

Я кивнула.

Но уже через минуту поймала себя на мысли, что открытка слишком маленький подарок.

Мне хотелось за сорок минут компенсировать семь лет, хотя я прекрасно понимала, что это невозможно.

***

Вечером Оксана отвезла меня в магазин художественных товаров. Дорогой подарок я покупать не собиралась — хотела посмотреть, чем теперь пользуются дети, которые любят рисовать.

Магазин оказался огромным. Я бродила между полками с красками, кистями, маркерами, бумагой, альбомами, карандашами и удивлялась ценам.

— Вот это стоит четыре тысячи? — спросила я, показывая Оксане небольшой набор фломастеров.

— Маркеры. И, судя по цене, умеют еще квартиру убирать.

Я рассмеялась.

Рядом стояла девочка примерно Дашиного возраста. Она выбирала тонкие черные ручки и оживленно объясняла матери, почему ей нужны именно такие.

Я невольно прислушалась.

— Эти для контура, а эти для мелких деталей. Я же тебе показывала.

Мать вздохнула.

— Я в них ничего не понимаю.

— Мам!

Девочка закатила глаза.

Я улыбнулась.

Когда-то Даша тоже так возмущалась, если я путала названия ее любимых мультфильмов.

Я взяла с полки небольшой удобный блокнот с плотными белыми страницами и темно-зеленой обложкой.

Оксана посмотрела на меня.

— Все-таки покупаешь?

— Себе.

— Для чего?

— Буду записывать, что узнаю о Даше.

Подруга неожиданно перестала улыбаться.

— Нина...

— Что?

— Это хорошая идея.

Я провела пальцем по обложке.

— Я боюсь забыть.

— Не забудешь.

— Уже столько всего забыла.

Оксана ничего не ответила.

Я купила блокнот и одну открытку с маленькой лисой на крыше дома. Понравилось, что рисунок был не слишком детским.

Дома я долго думала, что написать.

«Любимой доченьке» показалось слишком требовательным.

«Дорогой Даше» — слишком официальным.

В итоге написала:

«Даша, я очень рада, что мы сможем поговорить. Нина».

Посмотрела на открытку и разозлилась. Нина. Собственной дочери подписывала открытку именем. Но исправлять не стала — пусть она сама решит, как меня называть.

***

На следующее утро я проснулась раньше будильника.

Сегодня у меня было две встречи.

Сначала адвокат.

Потом Даша.

Я даже не знала, какая пугала сильнее.

Оксана приготовила завтрак, но я почти не ела.

— Съешь хотя бы яйцо, — попросила она.

— Не хочу.

— Нина, ты вчера тоже почти не ужинала.

— Потом поем.

Оксана посмотрела на меня.

— С таким подходом мы до вечера не доживем.

Я заставила себя съесть половину омлета, потом надела темные джинсы, светлую блузку, легкую куртку. Волосы собрала в низкий хвост.

Оксана посмотрела на меня и неожиданно сказала:

— Распусти.

— Почему?

— Тебе так лучше.

Я повернулась к зеркалу.

С распущенными волосами действительно выглядела немного моложе, лицо стало мягче.

Я поправила пряди возле щек.

— Нормально?

— Очень.

— Не выгляжу испуганной?

Оксана задумалась.

— Выглядишь человеком, который собирается на очень важную встречу.

Я невольно улыбнулась.

— Так и есть.

***

Адвокат Мария Олеговна Круглова принимала в небольшом офисе недалеко от центра.

Ей было около пятидесяти. Короткие темные волосы, очки в тонкой оправе, строгий серый костюм.

Она не расспрашивала о самочувствии, не произнесла ни одной сочувственной фразы. Предложила сесть и положить документы на стол. Мне это понравилось.

— Нина Сергеевна, — сказала она, открывая папку. — Я ознакомилась с тем, что вы прислали заранее. Но сразу предупреждаю: одного расхождения в датах недостаточно для отмены приговора.

Я кивнула.

— Понимаю.

— Хорошо. Тогда начнем с самого неприятного.

Она сняла очки.

— Вы действительно знали, что признаетесь в преступлении, которого не совершали?

Я почувствовала, как напряглась спина.

— Да.

— Почему?

— Муж убедил меня, что это единственный способ сохранить семью и избежать худшего.

— Что именно он обещал?

Я не торопясь рассказала о разговорах перед допросами, об адвокате, которого привел Виктор, об обещаниях вернуть деньги и назначить мне условное наказание.

Мария Олеговна слушала, иногда делала пометки.

— Вы понимали, что признание может привести к реальному лишению свободы?

— Понимала. Но Виктор уверял, что этого не случится.

— На чем основывалась ваша уверенность?

Я посмотрела в окно, на проезжавший автобус.

— На том, что он был моим мужем.

Адвокат ничего не сказала.

Я повернулась к ней.

— Звучит глупо?

— Звучит как объяснение вашего решения. Но для пересмотра приговора нам понадобятся проверяемые обстоятельства, а не только объяснение.

Я кивнула.

Она раскрыла копию приговора.

— Суд оценивал ваше признание вместе с финансовыми документами, свидетельскими показаниями и заключениями экспертов. Нам придется работать со всей этой совокупностью.

— Я знаю.

— Нет, — спокойно сказала она. — Вы пока знаете результат. А нам нужно понять, какие именно доказательства могли быть недостоверными, какие обстоятельства суду не были известны и чем мы можем это подтвердить.

Я молчала.

Мария Олеговна взяла распоряжение от четырнадцатого сентября.

— Вот это расхождение интересное.

Я выпрямилась.

— Правда?

— Да. Но оно пока доказывает только то, что с оформлением документов возник вопрос.

Она положила рядом акт от двадцать седьмого.

— Само распоряжение нужно исследовать по оригиналу. Вы уверены, что не подписывали его?

Я замялась.

— Не помню.

Адвокат подняла глаза.

— Нина Сергеевна, мне не нужно, чтобы вы говорили то, что выгодно делу. Мне нужно, чтобы вы говорили правду.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки.

— Я и говорю.

— Тогда так и запишем. Не помните. Подпись визуально похожа на вашу, но обстоятельств подписания вы подтвердить не можете.

Она сделала пометку.

— Кто готовил такие документы?

— Финансовый директор Карцев. Иногда бухгалтерия.

— Кто имел доступ к печати?

Я задумалась.

— Я. Карцев. Главный бухгалтер.

— Фамилия?

— Ермакова. Лариса Ильинична.

Мария Олеговна записала.

— Она давала показания в суде?

— Да.

— В каких отношениях вы сейчас?

Я невольно усмехнулась.

— Ни в каких.

— После освобождения связывались?

— Нет.

— Почему?

Я посмотрела на адвоката.

— Во время следствия она сказала, что я лично распорядилась перевести деньги посреднику. Это неправда.

— Почему вы уверены?

— Потому что не давала такого распоряжения.

— Возможно, она добросовестно заблуждалась?

Я резко покачала головой.

— Нет.

Мария Олеговна внимательно посмотрела на меня.

— Объясните.

Я вспомнила Ларису Ильиничну: полноватая, с короткой стрижкой, всегда в очках на цепочке. Работала в фонде почти с самого открытия. Когда у нее заболел муж, я разрешила ей несколько месяцев работать по сокращенному графику, помогала с оформлением документов для лечения. Мы были в хороших отношениях, я доверяла ей. До суда.

— Она утверждала, что я передала ей распоряжение лично, — сказала я. — В конкретный день. Но в тот день я была на медицинском обследовании с дочерью.

— Есть подтверждение?

— Медицинская карта. Я пыталась об этом говорить, но тогда уже признала вину. Адвокат считал, что дополнительные споры только ухудшат положение.

Мария Олеговна перестала писать.

— Это важно.

Я подняла голову.

— Правда?

— Важно проверить. Не надо пока радоваться. Медицинская карта может подтвердить ваше присутствие в больнице в определенное время, но нужно сопоставить ее с показаниями Ермаковой и другими материалами.

Я кивнула.

— Я понимаю.

— Мы запросим сведения, если документы сохранились. И попробуем установить, что именно она говорила на следствии и в суде.

Адвокат закрыла папку.

— Теперь давайте обсудим дальнейшие действия.

Она говорила спокойно, без красивых обещаний.

Сначала необходимо получить возможность полноценно изучить первоначальное дело, проверить оригиналы спорных документов. Установить, сохранились ли у подрядчиков дополнительные экземпляры договоров и бухгалтерских записей, уточнить происхождение актов и распоряжений. Найти независимые подтверждения тому, что финансовыми операциями руководили другие люди.

— А если мы все это найдем? — спросила я.

Мария Олеговна сняла очки.

— Тогда появятся основания добиваться проверки новых обстоятельств и пересмотра приговора. Но я не обещаю, что это будет быстро.

Я опустила глаза.

— Насколько небыстро?

— Месяцы. Возможно, значительно дольше. И результат не гарантирован.

Я посмотрела на свои руки. Семь лет уже потеряно, и теперь мне предлагали снова ждать. Только на этот раз хотя бы обещали заниматься делом, а не просто успокаивали.

— Что мы можем сделать сейчас? — спросила я.

Адвокат посмотрела на меня.

— Сегодня подготовим первоначальное обращение в прокуратуру. Укажем обстоятельства, которые требуют проверки, приложим копии имеющихся документов и ваших прежних обращений. Отдельно будем заниматься получением и изучением материалов дела.

— То есть официально?

— Разумеется.

Я кивнула.

— Давайте.

Мы потратили еще почти час.

Мария Олеговна уточняла формулировки, проверяла даты, спрашивала, какие заявления я подавала во время заключения.

Несколько раз возвращалась к одному и тому же вопросу.

Почему я продолжала подтверждать первоначальное признание, даже когда стало ясно, что наказание будет реальным?

Я отвечала: сначала верила мужу, потом боялась, что отказ от признания приведет к еще более тяжелым последствиям. Затем стало поздно менять позицию без новых подтверждений. А главное — я боялась разрушить жизнь детей.

Когда произнесла это вслух, мне захотелось рассмеяться.

Разрушить жизнь детей. Как будто семь лет отсутствия матери не разрушили в их жизни ничего.

Мария Олеговна, кажется, заметила выражение моего лица.

— Нина Сергеевна, — сказала она. — Я не стану оценивать ваши семейные решения. Но должна предупредить: нам придется возвращаться к ним еще не раз. Особенно к тому, как формировалось ваше признание.

Я кивнула.

— Хорошо.

Она протянула мне подготовленные документы.

Я внимательно прочитала их, взяла ручку. Пальцы на секунду не послушались. Я смотрела на пустое место для подписи.

Семь лет назад я тоже сидела за столом с ручкой в руке. Рядом стоял Виктор.

«Подписывай, Нин. Все будет хорошо».

Я закрыла глаза.

— Вам нехорошо? — спросила адвокат.

Я покачала головой.

— Нет. Просто вспомнила кое-что.

Она не стала торопить.

Я перечитала текст еще раз. Ни признания в хищении, ни отказа от своих слов, ни обещаний кому-то верить. Я просила проверить обстоятельства моего дела — и сама решила подписать это обращение.

Я поставила подпись.

И впервые за очень долгое время не почувствовала страха перед тем, что только что сделала.

***

Вышла из адвокатского офиса около трех часов.

До встречи с Дашей оставалось полтора часа.

Я решила пройтись пешком.

Воздух был теплым, пахло мокрым асфальтом и свежей листвой. На улице работали летние кафе, за столиками сидели люди.

У небольшой цветочной лавки я остановилась.

За стеклом стояли букеты.

Розы, хризантемы, тюльпаны.

Мне захотелось купить дочери цветы.

Потом вспомнила слова Кирилла.

Без дорогих подарков.

И прошла мимо.

В кармане лежала открытка с лисой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.